

Андрей Алексеевич Негривода Разведывательно- диверсионная группа. «Слон»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174013
Разведывательно-диверсионная группа. «Слон»: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-30426-4*

Аннотация

Вступить за честь своей невесты и пожертвовать при этом карьерой... Не побояться выйти навстречу танкам и предотвратить тем самым уничтожение роты десантников... Рискую жизнью, вытащить из пылающего грузовика раненых бойцов... Будучи искалеченным, вынести с поля боя своего командира... На такое способен только настоящий воин, для которого понятия честь и долг – не пустые слова. И Андрей Ошеха по прозвищу Слон, член разведдиверсионной группы, именно такой человек, способный порой сделать невозможное...

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Часть первая	7
Апрель 1979 г. Тбилиси.	7
«Господа русские офицеры»...	11
21 апреля 1979 г. Фергана.	16
Лето 1979 г. Фергана. Н-ский ОПДП.	20
1 декабря 1979 г. Фергана. Ночь...	28
Декабрь 1979 г. Афганистан. Баграм.	31
Часть вторая	40
Октябрь 1988 г. Подмосковье.	40
23 декабря 1979 г. Кабул. Ночь.	43
...Октябрь 1988 г. ...	45
27 декабря 1979 г. Афганистан. Тадж-Бек.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Негривода

Разведывательно- диверсионная группа. «Слон»

Посвящается моим друзьям и соратникам по оружию... Всем тем, кто выбрал себе нелегкую судьбу Солдата...

Бойцам подразделений специального назначения ГРУ посвящается...

Все герои этой книги реальные люди, живые или уже ушедшие... Автор намеренно изменил их фамилии, не тронув боевые клички и имена, дабы не смущать покой живых... И умерших, да будет земля им пухом, и вечная память... Все написанное – воспоминания самих героев.

От автора

Я хочу рассказать Тебе, уважаемый Читатель, о бойцах разведывательно-диверсионной группы специального назначения, о парнях, которых много лет спустя назовут «юношами стального поколения». Прошло уже двадцать лет со дня их первой встречи с командиром разведдиверсионной группы капитаном Андреем Проценко по прозвищу Филин... Двадцать лет, полжизни! А эти парни уже тогда были ВОИНАМИ! Для Андрея они были и строгими, а иногда и жестокими учителями, но – и братьями по оружию, по крови. И уж, конечно же, без них, умудренных боевым опытом, готовых всегда подставить свое плечо, Андрей Проценко не стал бы тем знаменитым Филином, о группе которого уже тогда ходили легенды...

Я расскажу Тебе, дорогой мой Читатель, о Разведдиверсионной группе специального назначения, РДГСН (или просто РДГ), капитана Андрея Проценко, Филина; я расскажу о каждом из БОЙЦОВ...

Я расскажу Тебе об их честности, бескомпромиссности, верности и преданности своей Отчизне, долгу и солдатскому братству! Об их ежесекундной готовности пожертвовать собой ради других!

Я хочу это сделать потому, что они были и навсегда остались настоящими русскими солдатами, ВОИНАМИ с большой буквы, для которых существовал только один девиз: «Если не мы, то кто?»

Низкий вам поклон, БРАТЬЯ мои!

Книга – это то самое малое, что я должен и могу сделать для каждого из вас...

Мы вместе, БРАТИШКИ, мы по-прежнему вместе!

Пролог

...Андрюха Ошеха... Сержант... Боевой позывной «Слон»...

Самая первая их встреча, этих двух Андреев-одесситов, произошла в августе 1988-го, когда только что получивший свои лейтенантские погоны Филин приехал к своему первому месту службы. Он тогда был молод, полон сил и еще больше амбиций и совершенно не понимал, в какую часть он попал служить. Даже не догадывался! Он тогда, натасканный преподавателями на строгое соблюдение Устава, что, в общем-то, абсолютно верно (!), был возмущен до глубины души, абсолютно искренне возмущен, надо сказать, той «фамильярностью», с которой этот сержант обращался к «целому» подполковнику, командиру части. А ровно через пять минут этот молодой лейтенант понял, что слово «зеленый», сказанное сержантом про него, наиболее правильное определение. «Зеленым» он и был тогда...

... – Товарищ сержант?

– Проще будь, лейт, у нас так не принято, не поймут, – перебил его сержант. – Я вот – Слон, а с остальными познакомишься, но званий не надо – имя или боевая кличка. Кстати, кличка лучше – и на «работе» удобнее, и в быту не обязывает. Ты, к примеру, уже Филин. Только прочувствуй, лейт, что Филин – это очень серьезный ночной хищник, можно сказать, ночной хозяин леса, а дал тебе эту кличку сам Батя (!) – ты теперь его «крестник». Видно, что-то он в тебе увидел – не каждому он кличку дает, так что давай, теперь, оправдывай...

– Ну, хорошо, Слон! Расскажи мне о взводе, о «краповых» в первую очередь.

– А в нашем взводе все «краповые» – мы разведдиверсионная группа специального назначения! – И тут улыбка мазнула лицо Слона. – Все, кроме командира...

Вот таким было их знакомство... А еще через несколько минут Филин начал понимать, что ему придется очень многому научиться именно у своих подчиненных...

– Что-то я, сержант, или, как там, Слон, немного не понимаю. Все сержанты и старшины, всем далеко за призывной возраст.

– Да нечего понимать, – улыбнулся Слон. – В нашем взводе, а точнее боевой группе, все «сверчки»¹. Ты, наверно, еще не осознал, что принимаешь РАЗВЕДКУ. К нам отношение другое. У нас пацанов случайных нет. Каждого где-то находили, в дебрях Советской Армии. Мы – ПСЫ ВОЙНЫ!

– Ну и сколько же у меня будет таких псов? – вопрос был риторический, ибо Андрей уже тогда понял, что свои командирские права нужно будет выгрызть зубами. Каждый, каждый из его подчиненных – был настоящим спецом.

Лейтенант тогда все задавал и задавал вопросы о каждом из своих бойцов, пока не дошел до него самого, до Слона.

– Послушай, Слон, у тебя на плече наковка «ТВАККУ». Я действительно знаю, что это такое, или совпадение?

– Да уж, наверное, знаешь... – усмехнулся Слон. – Я действительно учился в Тбилиси и почти окончил артиллерийское училище... Отчислили с 4-го курса за драку с лейтенантом, командиром взвода...

– А дальше?

– Дальше? Дальше 2 срока за Речкой, потом отряд...

– Во взводе есть бойцы со званием постарше сержанта, почему «замок» ты? Потому что ТВАККУ?²

---

¹ «Сверчок» – сверхсрочник.

² ТВАККУ – Тбилисское Высшее артиллерийское командное Краснознаменное училище имени 26 Бакинских комиссаров. В 1980 году училище было награждено орденом Красной Звезды и стало называться ТВАККОКЗУ, но Андрей к

– Да нет – это в прошлом. Просто я в отряде уже 4 года, а остальные меньше. И потом, Филин, я уже 12 лет в Армии. Подустал... С Батей у нас договор: придет новый взводный – я ухожу на дембель. Должность замкомвзвода – это должность Медведя. Но вот, попал Медведь на коечку... Вернется – я ухожу в запас, контракт-то давно уж как закончен. Да и семью хочется создать. Мне уже «тридцатник» отвесило, а ни жены, ни детей, ни кола, ни двора... Бомж-импотент...

– Как это? – не понял тогда Филин.

А Слон только улыбнулся:

– А мы почти поголовно такие – бомжи-импотенты!.. Потому что при нашем образе жизни у нас у всех «ни кола, ни двора!»...

– А-а...

– Так что до возвращения Медведя – я твой «замок», а там... Как повезет... В группе должно быть ровно 14 боевых единиц, потом поймешь почему...

Потом...

Потом Филин узнал, что-то от сослуживцев, что-то от него самого, о том, каким человеком и каким солдатом был его самый первый «замок», сержант Слон... Собрал, можно сказать, по крупицам все то, что было известно об этом совершенно необыкновенном человеке...

Часть первая «...Sikris pakrus para bellum...»³

*...Мы в такие шагали дали,
Что не очень-то и дойдешь.
Мы в засаде годами ждали,
Невзирая на снег и дождь.
Мы в воде ледяной не плачем
И в огне почти не горим.
Мы – охотники за удачей,
Птицей цвета ультрамарин...*

Апрель 1979 г. Тбилиси. Царица Тамара

...Весна!

Ах! Какая же красивая и теплая была та весна! Вы когда-нибудь видели весну на Кавказе? Когда уже закончились все дожди, когда уже просохли от весенней распутицы дороги и когда Природа начинает менять свои унылые белые зимние одежды на более пестрые, весенние? Природа на Кавказе весной – это вообще отдельная история! Это абсолютное буйство красок! На деревьях и кустах начинают распускаться набухшие почки, превращаясь в ярко-зеленые листочки... Зацветают яблони, шиповник, травы, цветы да мало ли чего!.. И все это имеет свой цвет, а главное, запах! И воздух!.. Свежий горный воздух, который пересыщен всеми этими запахами! Благодать сплошная! Божья благодать!!! Только весной понимаешь, почему именно на Кавказе столько аксакалов-долгожителей. Да потому, что жить хочется! Жить, чтобы еще раз увидеть всю эту красоту, чтобы еще раз подышать этим благословенным воздухом!..

Птицы. Они щебечут такими веселыми голосами и такими порой птичьими оркестрами, что не заслушаться просто невозможно! Нужно быть либо глухим, либо абсолютно деревянным чурбаном, чтобы не радоваться жизни вместе с ними!..

А люди! Такое количество улыбок, которое увидишь здесь, невозможно увидеть весной больше ни в одном другом месте. Открытые, доброжелательные люди, которые дарят радость другим, делятся ею, не скупясь...

А уж эта весна была совершенно особенной!

Или, может, это казалось только Андрею? Да нет! Так было на самом деле! Потому что ему этой весной улыбались все прохожие. Все поголовно! И молодые девушки, и пожилые женщины, и усаые джигиты. Все! Видимо, было что-то в нем такое, что радовало глаз. Нет! Нет – не одежда! Курсантий китель сидел на этом широкоплечем парне как влитой, галифе ПШ не развевались по ветру обвисшими парусами, а были тщательно ушиты и подогнаны, хромовые сапоги с голенищем «дудочкой», были начищены так, что, наверное, пускали солнечные зайчики. Андрей был эдаким армейским франтом-щеголем, и верхом этого щегольства была сшитая на заказ фуражка-«аэродром» с высокой тульей. Да и неудивительно!..

---

³ «Хочешь мира – готовься к войне» (лат.).

Последний, четвертый курс – пообтерся в армии зеленый одесский паренек, заматерел, стал офицером. Ну, или почти стал – до диплома горно-артиллерийского офицера теперь оставалось всего ничего – два месяца. Да не простого офицера-артиллериста, а разведчика-корректировщика – на этот, разведфакультет, поступали далеко не многие, но зато потом, в войсках, его выпускники ценились «на вес золота»...

Он, конечно же, мог не ехать так далеко, а поступать в артиллерийское училище в родной Одессе, тем более что разведфакультет был и там, да и само училище считалось элитным учебным заведением, но!.. Андрею всегда нравились горы. Они манили и притягивали его к себе! И в свои 17, еще тогда, перед поступлением в училище, он уже успел сделать несколько восхождений на Эльбрус и стать мастером спорта по альпинизму, ну и по самбо заодно – у альпиниста должны были быть крепкие руки... Вот и поехал в Тбилиси...

А теперь... Теперь учеба была уже позади, а впереди офицерская служба... Теперь оставалось только сдать выпускные экзамены, защитить диплом и...

Жениться...

Да! На ближайшие несколько месяцев это была его программа-минимум.

В свои неполные 21 он был впервые влюблен по-настоящему, и он был счастлив!.. Тамара! Его «царица Тамара»! Эта скромная девушка поразила его в самое сердце около полугода назад, когда они совершенно случайно встретились взглядами в гарнизонном Доме офицеров на каком-то киносеансе... Ни Андрей, ни Тамара через полчаса после окончания уже не могли вспомнить даже названия этого фильма. Теперь им это было совершенно не важно. Это был тот уникальный случай, когда Купидон, коварный мальчишка, выпустил не одну, а сразу две стрелы, и они обе попали в цель!..

Они тогда долго гуляли по вечернему Тбилиси, и Тамара рассказывала о себе. Оказалось, что эта девушка грузинка только наполовину – по отцу ее мать была настоящая терская казачка из какой-то станицы на Ставрополье. А в Дом офицеров она ходила на дискотеки и кино потому, что ее отец, отслужив положенные 25 лет, вышел на пенсию в звании подполковника ВДВ, ну и вернулся, естественно, со всей семьей в свой родной город всего-то несколько месяцев назад. Оказалось, что у нее есть еще двое старших братьев, которые пошли по стопам отца. Старший, Тенгиз, 25 лет, уже носил погоны старшего лейтенанта и служил в Витебской воздушно-десантной дивизии, а младший, Георгий, 21 год, так же, как и Андрей, доучивался последние месяцы в РВВДКУ⁴. Офицерские погоны они с Андреем должны были получать одновременно. В общем... Семнадцатилетняя Тамара была из офицерской семьи, прекрасно разбиралась, на примере своей матери, во всех тонкостях семейной жизни с офицером и... Она была к этому готова. Потому что другого себе даже и не представляла... Но все это было, по большому счету, ерундой! Она влюбилась! Влюбилась в этого статного, симпатичного, крепкого парня, который попросту заморозил ее своей бесконечной жизнерадостностью... Сказать про Андрея, что он одессит, означало не сказать ничего!

Через неделю, прошедшую с момента их первой встречи, они поняли, что их жизнь друг без друга будет скучной, пресной и безрадостной...

Новый, 1979 год Андрей встречал уже в кругу семьи Тэймураза Чантурия и был признан ее полноправным «четвертым офицером»... Оставалось только дожидаться, когда в апреле Тамаре исполнится 18, и подать заявление в загс...

...Вот! Вот именно это счастье, которое было в его глазах, это счастье, которым он светился, как мощный прожектор, и вызывало у встречных прохожих ответные улыбки. Даже старший «гарнизонного патруля», встретившегося Андрею на одной из улиц, суровый капи-

---

⁴ Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. (От автора.)

тан, не остановил его для проверки документов, а только улыбнулся слегка, отдал честь в ответ на такое же приветствие Андрея и прошел мимо...

...7 апреля...

Сегодня был его день! Сегодня, 7 апреля, они подавали с Тамарой заявление в загс, потому что с позавчерашнего дня она уже была «совершеннолетней»...

Ах, как же волновалась, как краснела его «царица Тамара», когда заполняла бланк заявления и ставила на нем свою подпись! Андрей только шептал ей на ушко:

– Ну, что же ты так волнуешься, Томочка моя?

– Мне страшно...

– Может, тогда не будем спешить?

– Нет! Я хочу быть твоей женой! Но мне страшно...

– Глупыш!.. Не бойся ничего! Я никогда не дам тебя в обиду! Ты мне веришь?

– Конечно, Андрюша! Конечно!

– А чего же ты тогда боишься?

– Быть плохой женой... Я же ничего не умею...

Это было, наверное, самое смешное для Андрея из всего того, что она могла сказать. Ее мать, истинная казачка, научила свою дочь стольким вещам, скольких, порой бывает, не умеет иная взрослая женщина! Вот мать Андрея, например, не умела печь хлеб и вязать теплые шерстяные носки. Да и зачем ей это было уметь? Где-где, а уж в Одессе свежий хлеб всегда был в магазинах, а вязаные носки на зиму всегда можно было купить, да хоть на том же Привозе! А вот Тамара умела! Как еще очень много других вещей, которые умеет делать любая деревенская женщина или женщина, привыкшая мотаться за своим мужем по дальним гарнизонам...

– Кто? Ты ничего не умеешь? – Андрей хохотал до колик в животе. – Ну, это ты, Томка, загнула! Вот сказанула-то! Она ничего не умеет!

И этот его смех расслабил напряженную, испуганную девушку...

А потом они сидели за большим круглым столом вместе с ее родителями, и его будущий тесть с напускной суровостью внушал им обоим:

– Вот так, детки мои! Значит, свадьба ваша будет 7 июля? Поэтому! Слушайте мой приказ. Ты, Тамара, отцовский! А ты, Андрей, как старшего офицера, хоть и пенсионера уже! – Тэймураз прокашлялся. – Знаю, что любите друг друга! Знаю! И это хорошо! И ты, Андрей, уже и так вошел в нашу семью, потому что вижу – ты хороший и порядочный парень! Только запомните одно! Мы с матерью люди старой закалки и воспитания, и в одну постель мы легли только в первую брачную ночь...

Он строго посмотрел на зардевшихся «молодых» и продолжил:

– И не надо краснеть – это жизнь! Раз уж вы решили создать семью, то ничего такого постыдного здесь нет!.. Вы молодые, времена сейчас уже другие, но!.. У нас, на Кавказе, есть традиции, которыми жили и наши деды, и наши прадеды! И их должно соблюдать! Потерпите еще три месяца, а потом я с радостью буду ждать своего внука! Но если я замечу хоть что-нибудь до этого времени, тогда пеняйте сами на себя! Выгоню! Обоих! Приказ ясен?

– Да, папа, – пролепетала Тамара.

– Так точно, товарищ подполковник! – рявкнул молодцевато Андрей.

– И не гарцуй мне тут, как конь перед молодой кобылкой! – усмехнулся в седые усы старый десантник. – Не смотри, что я уже седой! Если понадобится, я тебе еще всю задницу ремнем излуплю! Хотя... Я думаю, что не потребуется – ты парень порядочный, а другого бы я в семью и не принял...

Они просидели за этим веселым праздничным столом до самого вечера, а потом Тамара отправилась провожать Андрея в училище – его «увольнительная в город» заканчивалась в 20.00...

* * *

«Господа русские офицеры»...

... – Товарищ сержант! – подбежал к Андрею его друг-сокурсник. – Андрюха! Там тебя наш взводный уже часа три разыскивает!

Это было странно.

– Не понял?! – Андрей уставился на друга. – А че это ему от меня надо-то, Серый? Он же меня до 20.00 в увольнение отпустил! А сейчас только 19.40... Что-то случилось?

– Комбат наш приезжал, муило, проверить несение службы в выходной день, а наш-то как раз «ответственный» сегодня...

– Ну и что? Ну, вздрючил майор его за что-то, а я-то тут при чем?

Сергей улыбнулся грустно:

– Да, как обычно...

– Что на этот раз?

– Он до приезда комбата успел бутылку какого-то винидла усосать, ну и получил от майора по самое «не балуйся» за это, понятное дело... А как комбат отвалил, наш сбегал в магазин на углу, притаранил пузырь водки, а через полчаса понеслось...

– Понятно... Водочка сверху по винишку – у всего взвода выходной пропал!.. Что было?

– Сначала решил провести марш-бросок на три кэмэ... Я же «дежурный по батарее»... Ну, построил взвод... – Сергей был одним из командиров отделений. – А его к этому времени, видать, обломало бегать... Давай проверять форму одежды, ну и тому подобную лабуду...

– Ясно...

– Стенгазету, там... Типа, где последние взводные новости... В каптерке шибуршать начал... В общем, все на ушах...

– А про меня-то что?

– Ну, типа, «Как появится, сразу ко мне в канцелярию! Я его раком ставить буду! Не хрена по бабам шастать, когда во взводе бардак!»...

– Вот же скотина!..

– Да хрен с ним! Как у вас-то, с Тamarкой?

– Заявление сегодня подали, Серега!

– Здорово! – улыбнулся тот.

– Будешь у меня свидетелем на свадьбе!

– Всегда пожалуйста! Для друга не жалко!

– А выдержишь? На кавказской свадьбе за жениха его свидетель пьет! А тут рюмками не наливают! Нет их тут! Тут вино из рога пьют! И чем ближе друг, тем больше рог!

– Значит, будешь меня под столом вылавливать, когда свалюсь!

– Выловим! Не боись, прорвемся!

Андрей одернул китель и сказал:

– Ладно... Пойду пока, посмотрю, что там наше чудило взводное...

– Ты это... Ты аккуратнее там со словами... – проговорил ему вслед Сергей. – Что-то он сегодня уже больше обычной нормы принял...

– Разберемся...

Отношения Андрея с командиром взвода, старшим лейтенантом Дзюбой, были довольно странные. Хотя... Как посмотреть...

Дзюба был одним из тех офицеров, которых в армии называли «пассажирами» или «туристами». В общем, случайный человек. Будучи «генеральским сыном», сам он служить в армии не хотел. Но этого хотел его отец, генерал-лейтенант Генерального штаба Министерства обороны.

Заносчивый сноб, он привык к тому, что все его «залеты» по службе прикрывались семейной фамилией, а иногда, если случалось что-то уж совсем из ряда вон выходящее, то и непосредственно отцом... Старлей привык чувствовать себя безнаказанно, а потому и нагнел с каждым днем все больше и больше. К тому, что его обычное состояние – «подшофе», все, вплоть до начальника училища, уже привыкли. И привыкли настолько, что когда случались такие «выдающиеся» дни, что он был трезв, то они уже воспринимались как целое событие. Дзюба вечно твердил: «Вечно пьян, но душою чист – офицер артиллерист!» – таким был его девиз. Правда, соблюдал он только первую его половину...

Выполнять свои офицерские обязанности он не хотел, и командиру батареи пришлось подобрать для него деятельного замкомвзвода из курсантов, такого, который мог бы «тянуть» за собой весь взвод. Им оказался курсант Андрей Ошеха... И все достижения, а взвод был лучшим в дивизионе по физической подготовке и по такой специфической дисциплине, как «Стрельба и управление огнем наземной артиллерии (СУОНА)», были именно его заслугой. Это понимали все, в том числе и Дзюба, который, кстати говоря, в этой дисциплине не понимал вообще ничего... Вот и было у них противостояние друг другу – старшего лейтенанта и сержанта... Хотя и понимал взводный, что он до сих пор «на плаву» только благодаря своему «замку», но именно это-то обстоятельство и выводило его из себя... Постоянные придирки продолжались вот уже четвертый год.

Андрей, будучи очень упрямым человеком и вместе с тем неисправимым оптимистом, научился не обращать на это внимания, понимая, что Дзюба полностью оправдал поговорку «Надевая португею, я тупею, я тупею!». У него было единственное желание – поскорее закончить обучение в училище и постараться никогда не стать похожим на этого старлея...

Но к концу четвертого курса, когда до лейтенантских погон уже было рукой подать, общение с «взводным» стало практически невыносимым – видимо, Дзюба понимал, что найти такого же нового «замка» на следующие четыре года, который дал бы ему возможность, ничего не делая, дорасти до «капитана» и уехать, наконец-то, в Москву в Академию, поближе к папе, будет не просто трудно, а почти невозможно. Вот и измывался он над Андреем, как только мог...

... – Товарищ старший лейтенант! Сержант Ошеха по вашему приказанию прибыл! – доложил Андрей по Уставу, войдя в канцелярию.

– Где тебя носит, сержант, бля?! – рявкнул Дзюба и опрокинул в рот содержимое стакана, который он до этого держал в руке. – Почему я тебя должен разыскивать и ждать? Ты кто вообще? Сержант или Верховный Главнокомандующий, на фуй!

– Я был в законной увольнительной, которую вы же мне и подписали, товарищ старший лейтенант! Увольнительная до 20.00, а сейчас только...

– Я знаю, сколько сейчас! А душа за службу что, уже не болит, а? Что, не мог вернуться раньше, бля? Во взводе, бля, полный бардак! Стенгазета не готова! Почему? В каптерке не найдешь ни хрена! К проведению внезапного марш-броска взвод вообще не готов! А ты по городу шатаешься, сержант!

«...А сам-то ты готов к такому „марш-броску“, debil? Или опять рядом на „уазике“ поехал бы?..» – подумал Андрей.

– Вы же знаете, я вам докладывал, товарищ старший лейтенант, что я со своей девушкой сегодня ходил в загс подавать заявление.

– Какое, на фуй, заявление! – взревел «возмущенный» командир взвода. – По блядям шатался, когда во взводе службы вообще нет!

– Я со своей девушкой подавал заявление в загс, товарищ старший лейтенант! – проговорил с нажимом Андрей.

– Знаю я эти ваши заявления, сержант! Ты первый, что ли?! Захотел поблядушку-малолетку трахнуть, а она без бумажки не дает, да? Что? Пришла весна, запели птички, набухли

почки и яички?! Я вот тебе, бля, персональный марш-бросок сейчас как устрою, сразу про малолетних блядей забудешь!

И тут кровь ударила в голову Андрея, видимо, то, что сейчас сказал Дзюба, было той последней каплей, которая переполнила все же чашу его терпения.

– Это ты, козлина, только и знаешь, что по блядям таскаться! – тихо проговорил он. – А моя Тамара не блядь!!! Извинись, старлей! Сейчас! Или я тебя, как офицер офицера, вызову на дуэль!

– Что-о-о?! – алкоголь, бродивший по организму старлея, ударил в голову. – Это ты меня на дуэль?! Да я потомственный офицер! Мой дед был полковником царской армии! Отец – генерал! А кто ты, быдло голожопое? Да я тебя сейчас...

Он выскочил из-за своего стола и наотмашь двинул Андрея кулаком в глаз. Хорошо так двинул, аж «звездочки» полетели...

Старлей замахнулся для второго удара, но...

«Пиздец... Прощай, погоны, здравствуй, дисбат!..» – подумал Андрей.

Но дожидаться следующей оплеухи от пьяного придурка, хотя и непосредственного начальника, он не стал... Его крепкий кулак впечатался в подбородок взводного...

Дзюба такого демарша со стороны своего сержанта попросту не ожидал. Удар Андрея был, что называется, от души, да и алкоголь не позволял твердо стоять на ногах... Старший лейтенант завалился всем корпусом на свой письменный стол и устался «бараными глазами» на Андрея...

Эх! Ему бы поменьше пить да побольше заниматься физподготовкой, как это и положено настоящему офицеру... Дзюба вскочил на ноги и ринулся на Андрея с ревом раненого в жопу быка:

– А-а-а-а, с-сук-ка-а!

Видимо, у него сместилось что-то в голове, и он подумал, что это обычная для него драка в каком-нибудь городском кабаке. И ему очень уж хотелось наказать своего обидчика. Он схватил стул и замахнулся...

– Что ж ты не уgomонишься-то, мудило! – крикнул Андрей.

Увернувшись от стула, он шарахнул, что было сил, взводного по зубам, и тот, вывалив своим телом довольно хлипкую фанерную дверь, вылетел спиной вперед в расположение батареи.

Прямо под ноги одному из преподавателей, подполковнику, который сегодня был «дежурный по училищу» и зашел в батарею проверить несение службы, зная, кто в ней сегодня «ответственный офицер»...

– Отставить! – рявкнул подполковник во весь голос. – Отставить!

И тут он увидел Андрея.

– Что происходит, товарищ сержант?!!

– Старший лейтенант на меня напал, товарищ подполковник! Пришлось защищаться...

– Ко мне!

Андрей мигом подскочил к «дежурному».

– Дыхни!

– Товарищ...

– Выполнять приказ старшего по званию, сержант!

«Все!.. Теперь точно жопа!..»

Андрей дыхнул прямо в лицо подполковника.

– Выпивал, сержант?

– Товарищ подполковник!.. Я сегодня со своей девушкой заявление в загс подал...

Потом у нее дома, с родителями, выпили по бокалу шампанского за событие... Я абсолютно трезв!..

– Что ж ты, бля, Ошеха! – Этот подполковник был старшим преподавателем кафедры разведки и прекрасно знал Андрея – своего любимого ученика. – Что ж ты наделал-то, идиот?! Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сделал?!!

– Так точно, Николай Петрович! Поставил на место подонка, который грязно оскорбил мою будущую жену!

– Ты, дурак, поставил крест на своей офицерской карьере! Вот что ты сейчас сделал! Ты хоть понимаешь, что этот генеральский сыночек сейчас поднимет на уши весь Генштаб в Москве только для того, чтобы доказать, что ты, будучи пьяным, напал на офицера! Ты, сержант, сейчас молись богу, чтобы тебя просто отчислили... Ах, как жаль! Как жаль! А какой бы мог быть хороший офицер, мать твою!

В этот момент на полу заворочался Дзюба:

– М-м-м-мы-ы... М-мы-ы-ы...

Он встал на четвереньки, кое-как поднялся на ноги и только теперь заметил «дежурного»:

– Та-аварищ п-под-п-лковник! – Он еле ворочал языком, то ли от водки, то ли от удара Андрея. – Н-на меня со-овершен-но нап-п-дение с-ржантом Ош-шеха! Пр-шу вас разобр-р...

– Идите, проспите, старший лейтенант! – Было видно, что этот слизняк подполковнику просто противен. – Разбираться будем позже!

– И-есть! – ответил Дзюба.

Пошатнувшись, он кое-как изобразил поворот через левое плечо и направился в канцелярию нетвердым шагом.

– Сержант Ошеха!

– Я!

– Сдать ремень! – «Дежурный» протянул руку.

Андрей снял с пояса ремень и отдал его подполковнику.

– А теперь за мной, шагом марш! В помещение «дежурного по училищу»!

Они вышли из расположения батареи и направились к центральному учебному корпусу, в котором при входе было знамя, а рядом находилась комната со множеством телефонов и тому подобной аппаратуры. Андрей не раз за время учебы заступал в наряд именно сюда – помощником «дежурного» могли быть только сержанты.

– Эх, бля! – слышал Андрей за спиной, пока они шли к учебному корпусу. – И из-за кого?! Из-за швали генеральской, мать твою! Из-за какого-то подонка! Ах, как жаль-то, как жаль! Мальчишки! Пацанье, бля! Господа офицеры, мать вашу!..

...Через десять минут они вошли в помещение, и подполковник тут же поднял трубку внутреннего телефона.

– Караульного свободной смены ко мне, для сопровождения арестованного! – рявкнул он в трубку, бросил ее на аппарат и в упор уставился на Андрея. – Ну! Что делать-то будем, сержант?!

– Не знаю, Николай Петрович...

Подполковник походил по комнате:

– Значит, так! Кто еще знает, что ты был выпивши?

– Да не был я...

– Тебе понятен вопрос, сержант? Кроме Дзюбы, конечно! Этот придурок сейчас и кучу говна перед самым носом не унюхает!

Андрей думал всего секунду:

– Младший сержант Бабич. Он сегодня «дежурный по батарее».

– Сергей, что ли? Он ведь твой командир отделения, и еще вы, кажется, друзья?

– Так точно, товарищ подполковник!

– Он может подтвердить, что ты был трезв?

– Он именно это и скажет!

– Уверен?

– На все сто!

– Тогда так! – Подполковник подошел к небольшому столику, на котором стоял термос, открыл его и налил ароматный напиток в стакан. – Быстро пей кофе – он сбивает запах! Быстро! Пока не пришел караульный... Я в докладе этот момент тоже упоминать не буду... Это все, что я могу для тебя сделать, Андрей! Но поверь мне, что это тоже очень много! За неуставные отношения и рукоприкладство по отношению к старшему по званию, а особенно офицеру!.. Если ты «будешь» выпивши – это три года дисциплинарного батальона! А если нет, тем более что я не буду скрывать того факта, что Дзюба был откровенно пьян, то, возможно, отделаешься простым отчислением из училища, и, возможно, даже с сохранением звания... Эх, сержант!!! Как же ты вот так, по-глупому, просрал свои офицерские погоны?! Служить-то хочешь?

– Очень хочу, Николай Петрович! – честно признался Андрей. – Очень!

Подполковник походил по комнате, добавил Андрею в стакан еще кофе и сказал, наконец:

– Отправят тебя в войска с формулировкой «для полного прохождения службы» – это, как пить дать! Ты обязательно возьми из учебной части свою академсправку. Через два года, а если повезет, то и раньше, уволишься и приедешь сюда. Тебе ведь только выпускные «Госы» сдать осталось, так что... Если из части характеристика будет хорошая, то получишь «лейтенанта», но только через два года... Ясно?

– Так точно!.. Одно не ясно. Разрешите?

– Спрашивай, да побыстрей! – Подполковник смотрел в окно. – Вон за тобой уже караульный бежит.

– А что значит «если повезет, то меньше»?

– В соответствии с приказом министра обороны, такие «залетчики», как ты, да с такой формулировкой отчисленные из военных училищ, обязаны отслужить на новом месте службы не меньше года! А вот больше – это уже на усмотрение командира части... Если тебе повезет с командиром, а еще если и зарекомендуешь себя как толковый сержант, то уже через год можешь вернуться в Тбилиси сдавать свои выпускные экзамены. Теперь ясно?

– Так точно, Николай Петрович!

В этот момент в дверь постучали:

– Разрешите войти!

– Да!

– Курсант Мамедов по вашему приказанию прибыл! – На пороге стоял молоденький курсантик-первокурсник.

– Так, Мамедов! Сопроводить сержанта в караульное помещение под стражу и доложить начальнику караула, что мной на сержанта наложено взыскание – семь суток ареста! Завтра утром он должен быть отправлен в гарнизонную гауптвахту! Все ясно?

– Так точно, товарищ подполковник!

– Тогда сопровождайте арестованного! Свободны!..

* * *

21 апреля 1979 г. Фергана. «You're in the army now!»⁵

...За эти две недели в жизни Андрея произошли кардинальные перемены...

Подполковник-преподаватель, который был свидетелем всего этого скандала, оказался прав – Дзюба поднял с помощью своего влиятельного папы-генерала вонь чуть ли не на все Вооруженные силы. Из Москвы в училище даже приехала специальная комиссия военных прокуроров, чтобы разобраться в этом «вопиющем» нарушении воинской дисциплины. Что они там «наразбирали» и к каким выводам пришли, Андрей, конечно же, не знал – «не по Ваньке шапка», но вот один разговор, в присутствии начальника училища генерал-лейтенанта, начальника особого отдела училища – майора, его командира дивизиона – полковника и командира батареи – тоже майора, он запомнил на долгие годы...

...14 апреля...

За ним, отсидевшим на гауптвахте объявленные «семь суток ареста», приехали на штабном «козле» и без долгих разговоров и объяснений доставили прямо в кабинет начальника училища...

– Товарищ генерал-лейтенант, сержант Ошеха по вашему приказанию прибыл! – доложил Андрей по-военному четко и вытянулся по стойке «Смирно!».

– Вольно, сержант! – проговорил начальник училища усталым голосом.

Этот шестидесятилетний генерал прошел всю Великую Отечественную, закончив ее в Вене командиром дивизиона противотанкового полка, молодым, но не единожды орденоносным майором. Это был настоящий боевой офицер, и он наверняка знал, что такое офицерская честь.

– Так, Ошеха! Я хочу услышать от вас, что же все-таки произошло между вами и вашим командиром взвода. И заметьте, сержант, что от ваших слов очень многое будет зависеть! Я слушаю!

Андрей промедлил всего секунду:

– Все изложено в моем рапорте, товарищ генерал-лейтенант! И, наверное, в рапорте старшего лейтенанта Дзюбы...

– Ты не ерепенься, юноша! – Генерал в упор взглянул на Андрея. – Если бы мне было достаточно этих двух бумажек, то ты уже ехал бы в какой-нибудь из «дизелей»⁶! Но я и все здесь присутствующие старшие офицеры прекрасно знаем, кто такой Дзюба и какой он командир, мать его! И при этом его взвод по показателям один из лучших в училище! Следовательно, это заслуга его замкомвзвода, то есть вас, сержант Ошеха! «Спустить на тормозах» его разбитое лицо и дать вам возможность все же сдать выпускные госэкзамены при всем моем желании уже не получится – за делом следят представители военной прокуратуры. Поэтому, сынок... Я буду принимать решение на основании твоей откровенности и правдивости... И если у меня или у кого-нибудь из присутствующих здесь офицеров возникнет хоть малейшее сомнение – вы, сержант, будете преданы суду военного трибунала! А теперь говори, сержант!

Андрей не стал ничего скрывать. То есть вообще ничего! И даже того, что не было отражено ни в одном рапорте, в частности, то, что он выпил с родителями и своей будущей

---

⁵ Теперь ты в армии! (англ.)

⁶ «Дизелями» люди военные называли дисциплинарные батальоны. (От автора.)

женой немного шампанского... В общем... Через десять минут все присутствующие знали всю подноготную скандала с последующим мордобоем.

Генерал слушал внимательно и все это время пристально смотрел Андрею в глаза. А Андрей... Он чувствовал свою правоту и поэтому ни разу не отвел взгляда.

«...Будь что будет! Только... Тамарку мою жалко! Да и Тэймураз Сосоевич будет расстроен... Но я ведь защищал честь любимой женщины!..»

Сержант закончил свой рассказ и...

Молчание затянулось... Андрею больше нечего было сказать, а присутствующие в генеральском кабинете командиры молчали. Как и сам начальник училища. Эту гнетущую, давящую на плечи тишину через несколько долгих минут сам генерал и нарушил.

– Так! – Он с силой хлопнул ладонью по столу. – Иди, сержант. Подожди в приемной.

«...Что теперь, Андрюха? Что решат-то?»

Он метался по приемной, как тигр в клетке, а молоденькая секретарша только стреляла глазами в его сторону. Наконец раздался зуммер селектора, и из динамика раздался генеральский голос:

– Сержанта Ошеху ко мне!

Девушка с погонами сержанта сверхсрочной службы посмотрела на Андрея и произнесла единственное слово:

– Иди!

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант?

– Заходи, сержант!

Андрей опять вошел в этот просторный кабинет и остановился, в ожидании своего «приговора».

– Значит, так, Ошеха! – Генерал поднялся, вышел из-за стола и приблизился к Андрею. – Мы приняли решение... Хотя и не единогласное... Служить хочешь, сержант?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант! – отчеканил Андрей.

– Это хорошо... Для дальнейшего прохождения службы ты будешь отправлен в строевую часть...

– Разрешите вопрос, товарищ генерал-лейтенант!

«...А-а!!! Погибать, так с музыкой!..»

– Слушаю!

– А в какой род войск меня направят?

– Скажи спасибо, что не в дисбат! – усмехнулся генерал. – Из артиллерийского училища отчисленные курсанты направляются служить в артиллерию. По профилю. А у тебя что, есть какие-то пожелания?

– Так точно!

– А ты наглец, сержант! – Генерал обернулся к офицерам. – Каков наглец! У него еще и пожелания имеются, после всего случившегося!

Начальник училища вернулся к своему столу:

– Ну и что же это за пожелания?

– У моей будущей жены отец и оба брата служат офицерами в ВДВ, товарищ генерал-лейтенант... И если уж так получилось... Я хотел бы продолжить службу в воздушно-десантных войсках!..

Что-то такое изменилось в глазах генерала, потеплели они, что ли, в несколько секунд и превратились из рентгенаппарата в обычные, человеческие.

– Поближе к дому небось...

– Не понял?

– В Одесском военном округе, насколько я знаю, есть несколько частей ВДВ... В Болграде Свирская бригада, например, в Старом Крыму под Феодосией тоже бригада стоит...

Да и в Кировограде тоже есть бригада... Хотя это и Киевский военный округ, но до Одессы рукой подать... Хитришь, сержант?

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант! Можно и подальше! Если можно, конечно...

Генерал усмехнулся и опять посмотрел на офицеров:

– Каков, а?.. Ну, раз не хитришь... А еще, если ты и в самом деле служить хочешь... То послужишь! От души! – В его голосе зазвенел металл, который заставил подтянуться даже полковника. – В ВДВ, говоришь? И подальше? Добро! Поедешь в Фергану, сержант! В Туркестанский военный округ, раз подальше просишься! В отдельный парашютно-десантный полк! Его командир – мой давнишний знакомый... У него всегда был дефицит специалистов-артиллеристов, а обучать их толком некогда... А ты, Ошеха, практически готовый офицер горной артиллерии! Офицер-разведчик! Самое оно! Для полковника будет большой подарок!..

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант!

– Ты подожди радоваться, сержант! – рявкнул генерал. – Ты думаешь, что на курорт едешь?

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант!

– Вот и правильно думаешь! Это особый полк, с горной спецификой подготовки, потому и «отдельный»... И ты не призывник, а отчисленный за тяжелый проступок курсант! Тебя решено оставить в звании «сержант», но это не значит, что за свою несдержанность ты не достоин наказания, Ошеха! Тебе ясно?

– Так точно!

– А раз ясно, то сейчас ты отправляешься обратно под арест на семь суток на гарнизонную гауптвахту! До отбытия по месту службы в часть! Нечего тебе здесь, в училище, делать! Да и не будем больше дразнить московских гусей... Все! Выполнять приказание!

– Есть, товарищ генерал-лейтенант! – произнес по-уставному Андрей и вышел из кабинета...

Через неделю, когда за ним на гауптвахту опять приехал штабной «козел», Андрею дали всего два часа на то, чтобы собрать свои нехитрые пожитки перед поездом, который должен был отправиться в дальний путь. Он справился быстро, а потом все накручивал и накручивал диск телефона-автомата, пытаясь дозвониться до своей Тамары, но... Домашний телефон семьи Чантурия молчал.

«...Томка! Томочка моя! Ну, где же ты? Ведь уеду и так и не увидимся!.. Эх! Жизнь, бля, портянка! Прости меня за все, моя царица Тамара!.. Прости, если сможешь!.. Ну, где же ты?!»

Телефон молчал, а прапорщик, сопровождающий Андрея на вокзал до поезда, уже начинал нервничать и поглядывать на часы.

«...Да что же это такое! Ну, почему так?! Где ты, Тома?!»

...Он так и уехал, не дозвонившись...

Ехал Андрей двое суток.

Советская Армия для проезда своих военнослужащих оплачивала только железнодорожные билеты и только в плацкартных вагонах. Вот и трясся Андрей на своей верхней боковой полке сначала до Баку, затем до Астрахани, а потом пошли степи и станции со странными для его русского уха названиями Магат, Кандагач, Кызыл-Орда... Потом был красивый, цветущий по весне Ташкент, где поезд простоял несколько часов, и Андрей опять попытался дозвониться своей Тамаре с вокзального междугороднего телефонного узла, и опять у него ничего не получилось – телефон молчал... Он даже чуть было не опоздал на свой поезд... А потом был Коканд и, наконец-то, сама Фергана...

И снова он сначала отправился не в гарнизонную комендатуру, как это было положено таким военнослужащим, как он, чтобы узнать, где квартируется его полк, а на междугородний телефонный узел. И опять у него ничего не вышло.

И тогда Андрей, совсем уже отчаявшись услышать голос своей невесты, отправил ей телеграмму:

«Томочка! Любимая! Прости! Так случилось, что я теперь служу в Фергане. Я пытался дозвониться до тебя 1000 раз, но ничего не получилось! Где ты, любовь моя! Я вернусь к тебе! А скоро напишу письмо с адресом своей части! Не грусти! Мы будем вместе! Люблю! Твой Андрей!»

Вскоре от военного коменданта Ферганы он получил адрес части, а еще через пару часов уже стоял на КПП гвардейского парашютно-десантного полка, который на долгие годы станет ему и домом, и семьей...

* * *

Лето 1979 г. Фергана. Н-ский ОПДП. «...Тяжело в учении – сплошное мучение...»

...Что и говорить. Встретили Андрея не самым доброжелательным образом. Нет! Для офицеров такой сержант был абсолютной находкой! Комроты, старший лейтенант Фокстротин, радовался, что у него появился «внештатный офицер». А взводный, лейтенантик, который всего-то год носил офицерские погоны, тут же назначил Андрея свои «замком», вместо уже выведенного за штат старшины-дембеля. Тут-то как раз все было в порядке, и более чем.

Хреново складывались отношения Андрея с «дембелями», которые уже наполовину были гражданскими людьми, и старослужащими «дедами», которым оставалось дослужить до осени. Особенно с «дедами»!.. Эти парни считали, что про армию они уже знают абсолютно все и учиться им уже нечему. Да и вообще! Чему может их научить какой-то сержант из «учебки». Почему-то они никак не могли понять, что Андрей практически окончил военное училище, а не обычную, сержантскую «учебку» и знает поболее иного офицера. Нет, тут стояла «бетонная стена», которую Андрею пришлось преодолевать...

...Май...

Что-то такое назревало в мире. Что-то совершенно поганое... Противостояние между Америкой и Советским Союзом, между Джимми Картером и «Дорогим Леонидом Ильичом». Все чувствовали, что начинает пахнуть «жареным», а военные понимали, что дело идет к войне...

По всем Вооруженным силам Союза были проведены большие учения. Так, на всякий случай... В середине мая полк, в котором теперь служил Андрей, посредине ночи был поднят по тревоге...

...Сирена – резкая, громкая – безжалостно разорвала тишину и прогнала прочь сон уставших десантников.

– Рота, подъем! – раздалась резкая команда «дежурного». – Выходи строиться!

– Взвод! Выходи строиться! – рявкнул во всю глотку Андрей.

Он, привыкший за четыре года к таким внезапным ночным тревогам и к тому, что именно он должен быть «первым проснувшимся», уже был на ногах:

– Быстрей, быстрей! Бегом!

– Слышь, «замок»! Не рви глотку... – проворчал недовольно из «дембельского угла» старшина, которого он сменил на должности «замкомвзвода». – Дай поспать старослужащим.

Андрей подошел к «дембелям», которые и не думали подниматься со своих постелей. Единственной их реакцией на тревогу было то, что они перевернулись на другой бок и продолжали спать.

– Подъем! Тревога для всех! – Андрей пнул сапогом по кровати старшины.

– Отвали! Иди вон молодых дрючь, а мы уже гражданские люди!

– Встать! – рявкнул Андрей во всю глотку и резко рванул железную спинку кровати. – «Гражданскими» вы будете, когда в поезд сядете, а пока вы еще на службе! Встать! Выходи строиться!

Он чуть было не уронил кровать набок, но старшина-«дембель», тем не менее, оказался на полу. Он вскочил на ноги с багровым от гнева лицом:

– Ты что?! Совсем опух, молодой?! Жопу рвешь перед взводным?! Так мы тебе ее сами разорвем!

Он пошел со сжатыми кулаками на Андрея, но тот... Ни один мускул не дрогнул на его лице! Ни единственный!

– Знаешь, старшина... – проговорил он спокойно, но в этом спокойствии таилась такая буря и была такая сила, что «дембель» остановился на полдороге. – Я одного хама в погонах уже на место поставил... И тебя поставлю! Выполнять приказ! Выходи строиться!

Бывший «замок» понял, что деваться ему некуда и сон закончен, но «терять лицо» перед своими товарищами не хотел:

– Ладно, козлик... Мы с тобой потом, после тревоги, поговорим!..

– Поговорим-поговорим, не сомневайся! – оскалился сержант. – Бегом на выход!!!

«Поговорить после тревоги» не удалось – поднят был весь полк. После докладов офицеров полка командиром была поставлена задача, и уже через полчаса началась побатальонная погрузка в транспортные «Ан-22» – начинались большие учения «Памир-79»...

По условиям учений 2-й парашютно-десантный батальон должен был высадиться в высокогорном районе, в тылу «противника», а потом, спустившись с гор, атаковать его с тыла, одновременно с другими подразделениями полка. 9-я же рота старшего лейтенанта Фокстротина имела свою, отдельную задачу...

...Это был первый прыжок Андрея с парашютом, но... Он, имевший в своем «арсенале» несколько альпинистских восхождений, совершенно не боялся высоты. Она его даже притягивала и завораживала! Потому и прыжок этот стал для него каким-то почти обыденным событием.

Приземление взвода было более или менее удачным, если не считать одного отбитого копчика и нескольких синяков на половину задницы...

– Становись! – скомандовал Андрей, дождавшись появления лейтенанта. – Равняйся! Смирно!

– Вольно! – Взводный прошелся вдоль строя. – Значит, так, бойцы. Слушай приказ! Наш разведвзвод ускоренным марш-броском должен к вечеру выйти в район боевых действий. Особое внимание обращаю на работу всего личного состава взвода! На время учений все эти ваши «звания» – «дембеля», «деды», «молодые» – отменяются! Особенно это касается «дембелей»! Для вас это последние учения, и от того, как вы себя на них проявите, будет зависеть, поедете вы домой еще в мае или «задержитесь» в части аж до августа... Я понятно излагаю, граждане «гражданские»?

– Так точно... – раздался из строя понурый голос пятерых взводных «дембелей».

– Вы уже послужили, знаете, что по чем, имеете опыт, поэтому я рассчитываю на вашу помощь взводу... Все! На подготовку – десять минут! Сержанты – ко мне! Вольно! Разойдись! Можно покурить.

Строй десантников рассыпался, а трое младших сержантов, «комодов»⁷, и Андрей собрались вокруг офицера.

– Значит, так! – Взводный достал карту и ткнул в нее пальцем. – Мы должны обеспечить скрытный выход роты вот в этот район. Предполагается, что здесь могут быть посты или засады «условного противника»...

Лейтенант посмотрел на своих младших командиров:

– Учения максимально приближены к боевым действиям! При столкновении с противником разрешены любые приемы, кроме применения ножей и боевых патронов. Все очень серьезно, товарищи сержанты!..

– Ясно... – ответил за всех Андрей.

– Отлично... Все! Идите готовьтесь... Андрей!..

С Николаем у Андрея сразу же по прибытии в полк завязались дружеские отношения. Да и неудивительно! Погодки, имеющие одинаковое образование. А история отчисления из училища только подняла «планку Андрея» в глазах взводного.

---

⁷ Командир отделения (арм. сленг).

– Слушай... Местность, сам видишь, какая...
– Да уж... – согласился сержант. – Если на гребне будет дозор, то мы его отсюда, снизу, не засечем... Кого-то надо наверх отправлять...

Они находились на дне небольшой горной долины.

– Вот и я о том же... Хотел тебе поручить боковой дозор.

– Понятное дело... Сколько народу даешь?

– Отделение. Только там кто поопытнее нужен...

– Я «дембелей» с собой заберу, Коля... Ну, и еще человека четыре...

– У тебя там с Осадчим, я знаю, отношения не сложились...

– Со старшиной разберемся... – улыбнулся Андрей. – Он мужик-то на самом деле не плохой... Просто уже «сидит на чемоданах»... Все нормально будет!

– Ну, смотри сам... Тогда так! – Лейтенант еще раз развернул карту. – Двигаемся «уступом»... Вы будете выше нас, значит, и обзора у тебя будет больше, так что повнимательнее.

– Сделаем.

– Ну, тогда бери с собой вторую Р-152⁸, собирай отделение и вперед!

...Через несколько минут боковой дозор из десяти человек стал подниматься по пологой кривой траектории вверх на гребень горы, по довольно крутому склону...

... – Слышь, сержант! – раздался позади Андрея голос старшины через десять минут подъема. – Не гони, а то успеешь!

– Нам, Осадчий, даже прибавить темп надо – а то потом замахаемся взвод догонять! А нам, вообще-то, надо идти впереди него!

– А че его догонять? Взводный видит, где мы, – подождет!..

– Слушай ты, «утомленный службой» старшина! – Андрей обернулся и в упор посмотрел на говорившего. – Эти «игры» для мужчин, которые умеют делать сначала то, что нужно, а только потом, что им хочется! Если время остается... Ты уже «гражданский», говоришь?! Тогда давай мне свой РД и «АКМС»⁹ и можешь остаться прямо здесь, вон за тем камешком! Мне такой боец, который на марше стонет, как баба, и на хер не нужен!.. Тоже мне, «десантура», бля!.. А если хочешь показать «молодым», чего вы, «дембеля», на самом деле стоите, то иди вперед и увеличь темп! А то только на словах вы крутые, а на поверку – фуфло дешевое!

– Ты!..

Старшина ринулся было к Андрею, но до него вдруг дошло, что тот прав. И тогда Осадчий поступил по-другому:

– Отвали в сторону, «замок»! – Он ринулся вверх по склону. – Дай «старым» показать напоследок, как в горах ходить надо!..

Он пер как танк впереди всей группы, и всем остальным только и оставалось, что стараться от него не отстать. Через пятнадцать минут боковой дозор перевалил за гребень.

Старшина уселся было на камень передохнуть, но Андрей прошел мимо него:

– Команды на привал не было! Надо идти дальше! – И пошел вперед, возглавляя всю группу. – По ходу покурите, если кто хочет...

...Майское солнце припекало так, что казалось, еще немного – и мозг, расплавившись под ним, вытечет весь через нос в виде соплей... Их ХБ уже насквозь промокли, высохли и еще раз промокли от пота.

В 12.30 Андрей объявил, наконец-то, пятиминутный привал и сам уселся в тени большого камня. Рядом с ним «приземлился» Осадчий:

---

⁸ Довольно удобная и относительно легкая, всего-то около 5 кгз, радиостанция, которую использовали разведгруппы ВДВ и спецназа ГРУ. (От автора.)

⁹ РД – рюкзак десантный. «АКМС» – автомат Калашникова (модернизированный, складывающийся) калибра 7,62 мм, созданный специально для ВДВ. (От автора.)

– Ты откуда такой двужильный, сержант?

– Из Одессы.

– Так там же нет гор!

– Да и в твоём Харькове их тоже нет, старшина.

– Так то я!.. Я уже два года по горам бегаю...

Андрей с нескрываемой иронией посмотрел на бывшего «замка»:

– Слушай, Дима, а ты вообще никогда не интересовался тем, кто к тебе во взвод попадает? Как же ты до «старшины»-то вырос?

– А на кой? – удивился «дембель». – Какая разница, кто кем был на «гражданке»? Здесь всему научат! Войска Дяди Васи¹⁰ – это тебе не институт благородных девиц! Непонятно только, где тебя, «молодого» сержанта, так по горам ходить научили!

Андрей усмехнулся еще раз:

– Я, старшина, уже четыре года в «замках» хожу. И все четыре года на себе по Кавказу минометы и безоткатные орудия протаскал... – Он увидел удивленный взгляд старшины. – И если бы не набил морду одной сволочи, то уже через два месяца носил бы лейтенантские погоны...

– А-а! Ну, теперь ясно, откуда у тебя этот «командный голос» и офицерские замашки... – Осадчий закурил сигарету и глубоко затянулся дымом. – Только это все, знаешь... Для «десантуры» этих твоих «заслуг» маловато будет. Тут надо доказать, что ты чего-то стоишь... Тут уважение к себе зубами выгрызть надо!

– Знаешь, Дима. Я не собираюсь никому ничего доказывать – я просто служу! Потому, что мне это нравится!.. А дело покажет, кто из нас прав... Отделение, закончить привал!..

...Через несколько часов они вышли к месту, где гребень плавно уходил влево. Взвод, который вел лейтенант, так же не спеша, начал втягиваться в ущелье, покидая долину, а по следам взвода шла вся рота старлея Фокстротина...

Все было спокойно, но в какой-то момент Андрей вдруг присел и приказал знаками своим бойцам занять позиции за камнями. Подождав несколько минут, он подозвал к себе старшину:

– Что чуешь?

– Да хрен его знает! – почему-то прошептал «дембель». – Вроде бы ничего особенного.

– Запах дыма чуешь?

– Нет.

– Ладно... Пойдем посмотрим, может, мне показалось...

Хоронясь за камнями, они прошли около полусотни метров. Теперь уже заговорил старшина:

– Слушай, «замок»! Есть запашок, есть!

– Время обеденное... – ответил Андрей. – Кто-то пожрать собрался... Интересно, кто бы это здесь мог быть...

Они выглянули из-за огромной базальтовой глыбы и увидели...

– Вот что значит распиздяйство «дембелей» в армии... А оно всем может жизни стоить...

– Ладно уж... – Старшина не обиделся. – Не война же, в конце концов, так – учения...

Немного ниже по склону, метрах в пятидесяти, был оборудован наблюдательный пункт и пулеметное гнездо их «противника», судя по красным, «общевойсковым» петлицам и погонам солдат¹¹.

---

¹⁰ Родоначальником Воздушно-десантных войск считается генерал Василий Маргелов, отсюда и пошла такая расшифровка аббревиатуры ВДВ. (От автора.)

¹¹ Эта справка для тех, кто не знает или не помнит, какие погоны и петлицы носили военнослужащие в те годы. Красный цвет – общевойсковые части (пехота, короче говоря). Зеленые – пограничники. Черные – все войска, связанные с техникой,

Место, надо признать, было выбрано очень удачно. Отсюда, примерно километра на полтора-два в одну и в другую сторону, просматривалось ущелье, по которому должна была пройти рота десантников. Пост совершенно спокойно успевал доложить о появлении «противника» и отойти к своим, которые тоже успевали подготовиться к «теплой» встрече. Да и засаду могли организовать, если уже не организовали заранее...

На посту было четверо.

В сержанте и ефрейторе, которые преспокойно дрыхли на подстеленных плащ-палатках, сморенные жарой, безошибочно угадывались два «дембеля». У пулемета, покуривая сигарету, находился «черпак» (солдат, прослуживший год), который зорко присматривал не за ущельем, а за остриженным наголо, лопоухим «духом», который призывался в армию, наверное, всего-то месяц назад... «Дух» суетился около костерка, на котором варилось что-то в солдатских котелках, – «старослужащим» пора было «обед откусать»...

– Возьмем? – Старшиной завладел азарт.

– Не сейчас! Сейчас вернемся и доложим по рации.

– Да на хрена?! Появляем придурков, потом и доложим!

– А если не получится? А если это подстава для нас, а где-нибудь, метрах в ста сидит нормальный пост и смотрит за ними? Что тогда?

– Да ну! Не может такого быть!

– Может, не может, старшина, а надо грамотно все сделать, а не так, как они...

Они вернулись к ожидавшему их отделению, и Андрей подошел к своему радисту – белорусскому пареньку, призывавшемуся в армию год назад:

– Серега. Связывайся со взводным.

Десантник сноровисто снял рацию со спины.

– Крот, я Глаз! Крот, я Глаз! Ответь!

– Крот на приеме! – раздался, наконец, ответ.

Андрей взял переговорное устройство:

– Крот, я Глаз! Обнаружил передовое гнездо «противника» – НП и пулемет. За поворотом ущелья, слева, выше – сто пятьдесят.

– Сколько «карандашей», Глаз? – раздался взволнованный голос взводного.

– Четыре. Могу взять.

– Подожди! Надо связаться с Фокстротом! Жди!

Это было абсолютно правильным решением. Конечную задачу всей роты знал только Фокстротин, и решать нужно было ему. Ведь возможен был и такой вариант, что он решит оставить этот дозор противника. Все возможно...

– Крот вызывает Глаз! – раздался в наушниках голос лейтенанта через несколько минут.

– Глаз на связи!

– «Карандаши» со связью?

– Нет, станции не видел. Скорее всего, они с сигнальными ракетами.

– Плохо...

Это, казалось бы, хорошее обстоятельство на самом деле очень осложняло задачу. Ведь, если вдуматься немного, для того, чтобы доложить о появлении «противника» по рации, требуется какое-то время. Пока вызовешь, пока какой-нибудь «дедушка»-радист соизволит тебе ответить... В лучшем случае минуты две-три. В лучшем! А при внезапном нападении на пост этих минут нет! То ли дело заряженная ракетница! Взвел курок и выстрелил в небо – пять секунд! И все! Ракету заметят в любом случае. А дальше... Обезврежен НП или нет, это уже не важно – свои предупреждены и готовы к встрече...

и различались они по знакам в петлицах (танковые, артиллерия, автобаты, связь, химические, инженерно-саперные, строительные, железнодорожные, медицина и т. д.). Синие – ВВС. Голубые – ВДВ. Собственно говоря, ничего не изменилось и до сего дня. (От автора.)

– Расслабуха у них... Там только один «дух» шевелится... Можно попробовать...
– Ладно! На твое усмотрение, Глаз!
– Будем «работать»... О захвате доложу... Контрольное время – пять минут... Конец связи!

Андрей отдал Сергею переговорник и посмотрел на Осадчего:

– Ну что, старшина? Пойдем повяжем пехоту?
– Пойдем! – В старшине уже проснулся азарт. – Тряхнем стариной!
– Ага! – проговорил Андрей, поднимаясь с камня. – Главное, чтобы «старина» не отвалился...

...До НП «противника» надо было пробежать вниз по склону около пятидесяти метров. В общем-то, крохотное расстояние на самом деле. Только... Эта простота была такой только на первый взгляд... Пробежать по прямой такое расстояние – не успеешь даже икнуть, когда на тебя уже наскочат. А вот вниз по склону, усеянному «разнокалиберными» камнями!.. Любой, кто хоть однажды был в горах, скажет, что здесь свернуть себе шею – плевое дело!..

– Значит, так, старшина... – Андрей еще раз оценил обстановку. – Наскочим с двух направлений... Я беру на себя сержанта и ефрейтора – ракетница наверняка у них. Твои – «черпак» и «дух»!

– В три секунды сломаю!

– Ломать, Дима, никого не надо! Особенно пацаненка – ему и так сейчас не сладко в армии!..

– «...Тяготы и лишения воинской службы...» – процитировал старшина строчку из Присяги и улыбнулся.

– Наша задача, старшина, не показать, кто дольше в армии служит, а не допустить подачи сигнала! Не ошибайся! – Андрей посмотрел на своего «предшественника». – Если хочется поупражняться в рукопашке – займись «черпаком»! «Духа» не ломай – это просьба, а не приказ, Дима!

– Ладно...

– Вот и хорошо... И, кстати говоря, старшина, если у этих «краснопогонников» то же, что и у нас, то ракетница как раз может быть у «духа», а «гражданским дембелям это грязное дело уже по сроку службы не положено»... Я правильно понимаю философию «старослужащего»?

Осадчий уставился на Андрея:

– От ты даешь, «замок»! – Он улыбнулся, чуть ли не в первый раз за все то время, которое Андрей «его помнил». – А ведь так и есть! Я бы точно «душку» эту «дуру» отдал! На хер она мне нужна?! У меня поезд домой уже под парами стоит, а в «войнушку» поиграть так уже пришло время другим!..

Он потеревил свои «пшеничные» усы¹²:

– Так, значит, ты мне «самое дело» даешь, Андрюха?! – Он впервые назвал Андрея не «сержант» или «замок», а по имени.

– А шо? Не жалко! Буде шо телкам потом рассказать! Или не справишься?

– Кто?! Я?!!

---

¹² И пусть никто не удивляется! Да-да! Именно усы!!! И те, кто служил в конце 70-х и раньше, пусть вспомнят то время! И пусть по уставу было, что – «лицо военнослужащего должно быть чисто выбрито...»! Но!!! Некоторые офицеры носили не только усы, но даже бороды! Хоть это и было редким явлением, но было!.. Что же касается «дембелей», а особенно сержантского и старшинского состава, то!.. Если этот парень за время службы сумел проявить себя как толковый и знающий свое дело военнослужащий, то на такое мелкое «нарушение» Устава попросту закрывали глаза: «Ну хочется двадцатилетнему, или чуть-чуть больше, пареньку выглядеть более мужественно, ну и хрен с ним! Мы ему усы на морду, а он нам службу будет тянуть так, что и делать больше ничего не надо!» Вот так и находился компромисс... (От автора.)

– Тихо! Не ори! А то всех распугаешь – «вязать» некого будет...

– Я пошел!

– Стой! – рявкнул вполголоса Андрей. – Сначала отбеги метров пятьдесят вперед. Я же сказал – наскочим с двух сторон...

– Ладно! Я пошел! Как буду готов, покажу «большой» (в смысле палец, если кто подумал что другое)!

– Давай...

Андрей смотрел, как старшина пробежал эти несколько метров, а сам думал: «...Блин горелый! Ведь готовый офицер-разведчик! Как кот крадется! Такие парни в армии должны цениться на вес золота! А то, что поддерживает эти „дембельские“ условности... Ну, так это „с волками жить – по-волчьи выть!“... Ему бы в „Рязанку“ на офицера!.. До полковника дорос бы – к гадалке не ходи! А то и до генерала!..»

Через несколько секунд Шмель, такой был позывной старшины¹³, подал знак Андрею о готовности.

«Ну! С богом!..»

Они налетели на НП «противника», как взбесившийся торнадо...

Несколько секунд и...

Под Андреем взмолился сержант:

– Все! Все! Взяли вы нас! Все! Отпусти! Совсем растоптал! Как слон!..

Старшина точно так же, почти «играючи», «спеленал» своих подопечных. И самое смешное то, что Андрей оказался прав – ракетница была у «духа»...

– Слышь, сержант! – крикнул Осадчий. – А тебя только что «окрестили»... А когда тебя «крестит» твой хоть и условный, но противник – это на всю жизнь! Ему-то виднее!

Андрей непонимающе уставился на старшину:

– Что-то я ни фиги не слышал! Ты о чем?

– Хреново, значит, слушаешь!.. «Слон» ты теперь, Андрюха! «СЛОН»! – улыбнулся Дмитрий. – И так им и останешься до самых своих последних дней в армии. «Слон»!.. Окрестили тебя, сержант...

Ах! Если бы знал тогда этот старшина-«дембель», насколько он окажется прав!.. «Слон»...

...Через несколько минут на этом НП собралось все отделение, и Андрей доложил взводному:

– «Точка» наша. Можно продолжать движение!

– Принял! – ответил взводный. – Молодец!

– Не я, Крот! Это бывший «замок» молодец – его заслуга.

– Добро... Продолжай выполнение задачи...

...В ходе тех учений рота старлея Фокстротина выполнила свою задачу – скрытно вышла в тыл танкового полка «противника» и организовала на пути его отступления «минные засады». Полк был «деморализован» и «наголову разбит» атакующим противником...

По итогам учений полк «десантуры», в котором служил Андрей, показал себя так, что получил от МО СССР выпел «Лучшее боевое подразделение»... Великое дело, скажет кто... Да и в самом деле! Красная тряпочка на веревочке, чтобы на стену повесить... Но в 79-м за этот выпел боролась половина Вооруженных сил...

...Июнь...

...Они прощались как самые близкие друзья! Шмель и Слон...

---

¹³ «Рабочие» позывные в армии давались в основном на ассоциациях... Осадчий – значит «Оса». Но «Ос» на самом деле было много, а вот «Шмель» – это уже индивидуальность... (От автора.)

– Слышь-ка, Слон... – Старшина немного «мялся». – Ты на меня зла не держи...
– Я шо, баба, зло по карманам прятать?
– Да это я так... – Дмитрий «помялся» еще немного, а потом протянул Андрею сложенный в несколько раз тетрадный листок. – Вот! Возьми!
– Это чего такое?
– Ну... Если будешь когда в Харькове... Это адрес моих «стариков»... Они точно будут знать, где я есть... Только ты обязательно скажи, что ты Слон!
– Дим...
Усмехнулся Андрей, и... Какой-то странный ком подкатил к горлу...
– ...Мы обязательно встретимся... Потом... Когда-нибудь...
– Только ты обязательно скажи, что ты Слон!
– Скажу, старшина! Скажу...
Старшина...
Он так рвался домой, на Харьковщину... Он так хотел наконец-то «вернуться из армии, отдав свой долг», и влиться в обыденную, «гражданскую жизнь», что...
Они встретились ровно через год...
Слон и Шмель...
В совершенно чужой и чуждой им стране...

* * *

1 декабря 1979 г. Фергана. Ночь... «...Спасибо Партии родной, что пересрала выходной!..»

... – Хе-хе-хе-хе!!! – все «крякала» и «крякала» сирена, надрывая свой «охрипший» голос. – Хе-хе-хе-хе!!!

– Рота, подъем! Выходи строиться! – крикнул во все горло Андрей и посмотрел на часы.

«...2.15... Че это они? Опять, что ли, решили устроить учения? – подумал он. – Так, а на хрена ж им самим это надо? У каждого семьи дома, а они в субботу учения затеяли... Фигня какая-то!.. Совсем уже с катушек посрывались, отцы-командиры!..»

Андрей был прав...

Что-то странное происходило на протяжении всего этого года. Учения шли одни за другими, «наступая друг другу на пятки»... Правда, таких крупных, как «Памир-79», не было уже давно, но полковые учения проходили теперь не реже одного раза в месяц. И все уже привыкли к этому и, в общем-то, были готовы сорваться по тревоге, но... Последние полковые учения с боевыми стрельбами закончились только неделю назад. Все еще только-только «возвращались» к обычному казарменному образу жизни, и очень многие солдаты надеялись именно сегодня, в субботу, получить «увольнительную в город»...

За эти полгода Андрей пообтерся в войсках и приобрел непререкаемый авторитет. И не потому, что уже и те, кто на «Памире-79», были еще «дедушками», успели к декабрю уволиться в запас и уехать домой, – они-то как раз после тех учений очень сильно зауважали нашего сержанта. Дело было совершенно в другом...

Андрей просто служил. Служил в удовольствие и знал свое дело. И все, кто, так или иначе, сталкивался с ним по службе, и солдаты и офицеры, понимали, что этот парень любит свое дело и любит армию... Он был воином по призванию. Настоящим, хоть пока и несостоявшимся, русским офицером – строгим, но справедливым... А «ротный», старлей Фокстротин, на всех совещаниях и прочих офицерских «посиделках» говорил, что у него «усиленная» рота – вместо 5 офицеров по штату, включая и его самого, у него в роте служит 6...

– Строиться перед расположением роты! – скомандовал Андрей. – Замкомандирам взводов доложить о личном составе!

Месяц назад сержант Ошеха принял должность «старшины роты» вместо ушедшего на пенсию пожилого прапорщика, и теперь, до появления в роте офицеров, он был «царь и бог».

– Слышь, Колян... Че это за хрень происходит? – тихо спросил Андрей у своего взводного после доклада.

Сегодня лейтенант Осокин был «ответственным офицером». Они оставили стоять роту в строю, а сами отошли на несколько метров.

– Да я и сам не знаю, Андрюха! – пожал плечами лейтенант. – Учения закончились... В штабе никаких намеков на следующие не было...

– Хрень какая-то! Сейчас, по идее, пора бы уже начать к Новому году готовиться, а они опять что-то затеяли... А наш в курсе, как думаешь?

– Не знаю... Думаю, что нет... Он бы тогда сегодня так спокойно не отчалил отдыхать. Ты же знаешь нашего старлея!..

Да. Характер Фокстротина был известен во всем полку! Он не был служакой-солдафоном, но от всего сердца болел за свою роту, вечно с кем-то ругался, что-то требовал, добиваясь чего-то для своих солдат, и в конце концов это приводило к положительным результатам.

Например, его рота самая первая и пока единственная во всем полку «переделась» в новую, экспериментальную полевую форму. Удобную и практичную, не то что старенькая ХБ...¹⁴

...Через полчаса на плацу построился весь полк, и то тут, то там к своим подразделениям подбегали офицеры и тоже становились в строй. Обычное явление в армии, ведь не все же жили в холостяцких офицерских общежитиях, и у многих уже были семьи – они жили в офицерском городке, и о тревоге им сообщали «посыльные». Фокстротин был в их числе...

– Что тут? – спросил он у Осокина, вставая во главе своей роты.

– Да хрен его знает, Валера. Не понятно ничего!..

– Ладно!.. Вон командир уже идет... Скоро все узнаем...

Развод полка был недолгим.

Подполковник выслушал доклады командиров батальонов, отдал какие-то распоряжения, и десантники вернулись в свои казармы.

На плацу осталась 9-я рота Фокстротина...

– Ну что, старший лейтенант? – Командир полка приблизился к строю. – Говоришь, твоя рота усиленная?

– Так точно, товарищ подполковник!

– Что ж... Раз так, то именно тебе и выполнять особенное задание... – Командир отошел на несколько метров и скомандовал: – Офицеры и старшина роты – ко мне!

Подполковник прохаживался вдоль коротенького строя офицеров, а со стороны казалось, что он просто не знает, с чего начать разговор.

... – Значит, так, товарищи офицеры. – Подполковник совершенно не обращал внимания на то, что Андрей был сержантом. – Получен приказ...

Он помолчал немного и продолжил:

– Наше правительство уже давно ведет очень тонкую политику в сопредельных странах Среднеазиатского региона... И пытается поддерживать некоторые правительства дружественных нам государств... Но обстановка в мире накалена до предела, и вы это знаете... Существует негласное противостояние с государствами блока НАТО, с Соединенными Штатами – в частности... Это так, преамбула... А теперь слушайте боевой приказ! – Подполковник остро взглянул на выстроившихся перед ним офицеров. – Ваша рота, Фокстротин, должна максимально быстро погрузиться на транспортные «борты» и отбыть к месту новой дислокации!.. Обеспечить роту продовольствием на две недели, палатками, двойным боекомплектom! Это ваша задача, сержант!

– Так точно, товарищ подполковник! – рявкнул Андрей.

– Рота должна быть укомплектована всем необходимым снаряжением и вооружением! И... Это не учения, товарищи офицеры!.. Никаких холостых патронов или учебных гранат! Рота должна быть готова к ведению боевых действий!

– Разрешите вопрос, товарищ подполковник? – подал голос Фокстротин.

– Слушаю, старлей.

– Место дислокации роты?..

Подполковник как-то странно посмотрел на ротного.

– Задача твоей роты, Фокстрот, обеспечить в последующем высадку и прием батальонов полка... В сложных климатических, но главное, политических условиях... Ты «усиленный»... – Он взглянул на Андрея. – Поэтому и задача ставится именно тебе... Роте надо

---

¹⁴ Эту новую форму, созданную специально для среднеазиатских регионов, а потому и не привычного защитного цвета, а песчано-бежевого, тогда еще называли «эксперименталкой». И только через несколько лет ее стали называть «афганкой», потому что переодевали в нее только те воинские части, которые служили в ОКСВА. А в Союзе она так и не была никогда введена и навсегда осталась «эксперименталкой». Просто потом стали делать пятнистые камуфляжи, а вот песчаная «афганка»... До сего дня, когда 2 августа на день ВДВ встречаешь немолодых уже мужиков в этих стареньких, застиранных брюках с накладными карманами, понимаешь, что вот он идет, твой «братишка», побывавший там, за Речкой...

будет продержаться дней десять, ну, может быть, две недели... На это время – ты будешь принимать все решения самостоятельно... А дальше, возможно, ты и вернешься со своей ротой в Фергану...

Командир полка прошелся вдоль этого короткого строя и за эти несколько шагов превратился из бравого офицера-десантника в обычного мужика, на которого взвалили тяжелейший груз ответственности, не спросивши на то его согласия:

– Хотя... Чувствую я, мужики, что вернемся мы в Фергану очень не скоро... Да и вернемся ли вообще... А на твой вопрос, старлей... – Подполковник остановился напротив Фокстротина и внимательно посмотрел ему в глаза. – Обеспечивать ты будешь прием не только наших батальонов, но и группу специального назначения ГРУ, которая прибудет из Чирчика... Не постреляйте там друг друга... Они, как и ты, будут обеспечивать прибытие всего своего отряда... В общем... Чтобы больше не было вопросов... Дальше сами все поймете... Авиабазы Баграм, Демократическая Республика Афганистан... Еще вопросы есть?

Какие на хрен тут могли быть вопросы?! Все были просто ошарашены этим сообщением! А потому только молча переглядывались...

– Раз вопросов нет, товарищи офицеры, то тогда не будем разводить ненужной канители. Фокстрот! Роту бегом в распоряжение и готовить к передислокации! Вылет через три часа в 6.00! Все свободны!..

...Именно с этой минуты Андрей, сам того не зная, начинал становиться частью большой истории Советской Армии...

* * *

Декабрь 1979 г. Афганистан. Баграм. «...Здравствуй, чужая Родина...»

...Монотонный гул их турбовинтового «Вожака»¹⁵ усыплял и немного успокаивал. Этот авиационный монстр, который мог переносить по воздуху в своем огромном чреве до 80 тонн (!) груза, без особого труда «проглотил» роту Фокстротина в сто с небольшим человек да еще и 4 БТРа...

«Ан-22» («Антей» – таково было название этого самолета) был изначально предназначен именно для ВДВ. Повсеместно любимый десанниками, теми, кто успел узнать эти машины, он значительно превосходил по всем параметрам и своего предшественника «Ан-12», который натовцы называли «Сиб» (просто «Кубик»), и своего последователя, печально знаменитый реактивный «Ил-76». «Антей», хоть и малоскоростной, с «крейсерской» скоростью всего-то 590 км/час, был настоящим десантным трудягой...

А вот «Ильюшина-76» десантура не любила – именно этот самолет приобрел в Афгане, немного позже, придя на смену «Антею», имя «Черный тюльпан». Именно на них, на «Ил-76ТД», повезли «из-за Речки» первые «цинки»...

И именно о нем Александром Розенбаумом была написана эта скорбная песня...

...В Афганистане, в «Черном тюльпане»,
С водкой в стакане мы молча плывем над землей.
Скорбная птица, через границу,
К русским зарницам несет ребятишек домой.
В «Черном тюльпане» те, кто с заданий
Едут на Родину милую, в землю залечь.
В отпуск бессрочный, рваные в клочья...
Им никогда, никогда не обнять теплых плеч.

Когда в оазисы Джелалабада,
Свалившись на крыло, «тюльпан» наш падал,
Мы проклинали все свою работу:
Опять «бача»¹⁶ подвел потерей роту.
В Шиндане, Кандагаре и Баграме...
Опять на душу класть тяжелый камень,
Опять нести на Родину героев,
Которым в двадцать лет могилы роют...

Но надо добраться! Надо собраться!
Если сломаться, то можно нарваться и тут.
Горы стреляют. «Стингер» взлетает,
Если нарваться, то парни второй раз умрут.

И мы идем совсем не так, как дома,
Где нет войны и все давно знакомо,
Где трупы видят раз в году пилоты,

---

¹⁵ Самый большой в мире, на то время, военно-транспортный самолет «Ан-22». На Западе по натовской квалификации его называли «Соск», то бишь «Вожак». (От автора.)

¹⁶ Мальчик (фарси).

Где с облаков не валят вертолеты.

И мы идем, от гнева стиснув зубы,
Сухие водкой смачивая губы.
Идут из Пакистана караваны,
И значит, есть работа для «тюльпана».

...Только все это было потом...

А сейчас...

Сейчас сонная рота старшего лейтенанта Фокстротина, убаюканная монотонным гулом винтов «Антея», досматривала вторую серию своего прерванного сна...

Не спали всего-то несколько человек – офицеры роты, понимавшие, что летят они совсем не на прогулку, да еще Андрей, который не спал совершенно по другой причине...

Письмо...

Только вчера он получил письмо от своей «царицы Тамары»...

Нет! Оно, конечно же, не было самым первым за эти полгода!

Андрей с упрямством осла тратил свое время в «увольнительных» на то, чтобы простаивать в многочасовых очередях на главном междугороднем телефонном узле Ферганы и хотя бы несколько минут поговорить со своей несостоявшейся невестой. Он писал ей письма каждый день, засиживаясь в каптерке далеко за полночь. И Тамара ему отвечала! Только... Почему-то письма ее стали приходить все реже и реже...

Сначала он получал их раз в два-три дня, потом раз в неделю, а последнее, вчерашнее, ждал уже больше месяца... Тамара писала ему все реже, и письма ее становились все короче и короче...

Худенький конвертик с почтовым штампом города Тбилиси, который он получил только вчера, принес в себе один-единственный тетрадный листочек, исписанный каллиграфическим почерком:

*«Андрюша, здравствуй!
Как ты там, любимый мой?
Когда ты вернешься?»*

Знаешь, папа уже перестал на тебя сердиться. И, кажется, понял, что ты тогда поступил правильно. Мы недавно отмечали его день рождения. Собралась вся семья. Братья приехали... Так он даже назвал тебя настоящим джигитом – за столом, при всех... Только... А правильно ли ты тогда поступил? Чего ты добился, Андрюша? Мы ведь все равно не вместе! Может быть, стоило тогда стерпеть?..

Я уже даже и не знаю, что мне думать... Ты так далеко... А мне ведь жить хочется!!! Жить и радоваться жизни! Мне же только восемнадцать!!! С меня все подружки смеются, что я, мол, жду жениха, который придумал повод и сбежал от меня... Мне очень тяжело, Андрюша! Очень!!! Я ведь молодая еще! Ну почему ты не рядом?! Почему ты сделал так, чтобы быть от меня так далеко?!

Ты хороший человек, Андрюша! Ты, наверное, самый лучший и самый настоящий!!! А я дрянь!.. Сделай и сейчас хоть что-нибудь, повоюй за нас с тобой, но приезжай! Сейчас приезжай!.. Иначе... Я очень хочу быть с тобой, но я больше не могу любить фотографию! Рядом столько живых соблазнов... Приезжай, Андрюша!.. Пожалуйста!!!

Я тебя люблю! И ЖДУ!!!»

...Он все перечитывал и перечитывал это письмо. Комкал его... А потом разворачивал и перечитывал снова. И опять комкал...

– Что, Андрюха? Что случилось?

К нему, в конце концов, подсел комроты, старлей Фокстротин:

– Че ты как не свой? Случилось чего?

– Не знаю, Валера! Не знаю...

Андрей уже давным-давно «был принят в офицерский круг», и между собой они общались накоротке, как хорошие товарищи.

– Так скажи! Че замолк-то?! Или я тебе не «отец-командир»?

– Отец-отец... Просто родной до боли...

Фокстротин посмотрел на Андрея и проговорил строго:

– Ты поделись, сержант... А то уж какой день смурной ходишь... Сначала письма ждал, знаю, а вчера получил и стал вообще темнее тучи... В чем дело, Андрей?

– Докладывают тебе, Валера?

– А ты как думал? Конечно! Это же боевое состояние роты! А оно зависит от очень многих факторов! Вот я и интересуюсь личной жизнью своего командного состава... Так в чем дело, старшина?

Андрей, не говоря ни слова, протянул ротному изрядно помятый тетрадный листок. Старлей прочитал письмо быстро. Да и что там было читать-то, на самом деле!..

– Это от той твоей «царицы Тамары», из-за которой ты погоны не получил?

– Ага...

Старлей замолчал на долгих пять минут... А потом медленно проговорил:

– Знаешь, Андрюха... Ты же ведь мужик-то не глупый... Я думаю, что ты и сам уже все понял... А если тебе надо, чтобы тебе об этом сказали... – Старлей помолчал минутку. – Забудь ее... Она девочка, по всему видать, воспитанная, а потому и не написала тебе прямо, чувствуя за собой какую-то вину... В общем... Возможно, что она права, и тебе надо было тогда сдержаться... Короче! Мы мужики военные и конкретные!.. Она не будет тебя больше ждать, Андрюха... У нее возраст такой... Забудь!

– Да я и сам уже это понял, Валера...

– А раз понял, то «окупись» в службу с головой – оно помогает! На своей шкуре пробовал в свое время... А жизнь, брат... Знаешь... Она всегда со временем показывает, кто прав, а кто не очень...

...Рота Фокстротина высадилась на баграмском аэродроме посадочным способом – сначала приземлился огромный «Антей» с десантниками, а следом за ним «Ан-12», на борту которого было все походное снаряжение для того, чтобы они могли организовать военный городок для батальонов полка. Да только...

Зима в этом году разгулялась не на шутку. Казалось бы, Афганистан – южная страна, а вот, поди ж ты, температура все падала и падала... Русские солдаты привезли с собой в горы Гиндукуша русскую зиму...

Андрею тогда, в те самые первые дни, пришлось не раз показать свой характер и изворотливость, чтобы суметь накормить и обогреть своих замерзших солдат. Работы было – непочатый край!.. И Слон с головой окунулся в свои «старшинские заботы»...

...5 декабря, 5.40 АМ...

Над Баграмом уже несколько минут кружил транспортный «Ан-12». Он то вот-вот, уже казалось, зайдет на посадку и вдруг, в какой-то момент, опять начинает набирать высоту...

– Что тут?

Ротный подошел к Андрею, который, несмотря на пронизывающий до костей морозный ветер, стоял у здания будущей медсанчасти и неотрывно следил за самолетом и «взлеткой» аэродрома.

– Какой-то «левый» «транспортник»... – ответил Андрей. – Уже на четвертый круг заходит, а все не садится. А ведь не мешает же ему никто... Зенитчики уже на рогах. Вон даже две «Шилки»¹⁷ зашевелились...

Две грозные зенитные «самоходки» подняли в небо стволы своих пушек и теперь водили ими из стороны в сторону, сопровождая самолет.

– А номер борта засек?

– «Полста девятый» (59), – ответил Андрей.

– Ясно, – проговорил ротный и как-то немного расслабился. – Это наши соседи пожаловали из Чирчика, о которых комполка предупреждал. Спецпура ГРУ...

– А че ж не садится?

– Да хрен его знает, старшина... Сядут – спросим...

«Транспортник» сделал последний круг и пошел наконец-то на посадку...

А еще через пятнадцать минут, когда из открывшейся задней аппарели на бетонку аэродрома стали выгружаться странные вооруженные люди, одетые в форму афганской армии, от них отделился бравый «афганский» офицер и подошел к Фокстроту и Слону.

Если бы наши герои не знали, что этот вояка принадлежит к ведомству грозного и таинственного «Аквариума», то они наверняка подумали бы, что перед ними представитель афганских вооруженных сил. Смуглый, с жестким смоляным «ежином» волос, он был абсолютно «местным».

– Заместитель командира отряда, капитан Сархатов... – представился он и протянул свою жесткую, как доска, ладонь для рукопожатия. – Анвар...

– Комроты отдельного парашютного полка, старший лейтенант Фокстротин, – ответил старлей. – Валерий...

– Старшина роты, сержант Ошеха... Андрей...

– Ну, вот и познакомились! – улыбнулся капитан. – Будем взаимодействовать! Особенно с тобой, Андрюха... Нам надо обустраиваться и встречать отряд, а времени почти нет...

– Разберемся... – ответил Андрей.

Суэта, образовавшаяся вокруг «транспортника», потом выбор места для «спецов», организация палаточного городка, на которую Андрей подключил целый взвод своих десантников... Все это заняло целый день – обустроиться на совершенно новом, незнакомом и не приспособленном для этого месте, да еще и умудриться создать минимум удобств в виде тепла среди зимы и пятнадцатиградусного мороза – это еще уметь надо!.. В таком деле все, именно все (!), выполняют приказы своего старшины, невзирая на звания! Это его «бенефис»... И от того, насколько он «на своем месте», обогреты ли, накормлены ли будут его бойцы, зависит, в конечном итоге, сумеют ли они выполнить свою боевую задачу... «Старшина», а «в переводе» на гражданский язык «завхоз» – это именно тот маленький винтик, от которого зависит, будет ли работать вся эта огромная машина или сломается в первые же минуты...

В общем... Только тогда, когда бледное зимнее солнце завалилось за отроги гор, когда была проведена вечерняя поверка и уставшие бойцы с радостью выполнили команду

---

¹⁷ «СЗУ-23-4» «Шилка» – самоходная зенитная установка с 4 спаренными, 23-миллиметровыми скорострельными автоматическими пушками. Скорострельность до 3000 выстрелов в минуту. Эти машины были настолько грозные и эффективные, что повсеместно использовались не только по прямому назначению, но и для поддержки пехоты при атаке укрепленных объектов. Залп из ее четырех пушек всегда приносил одинаковый эффект – противник либо был надолго деморализован, либо уничтожен!..

«Отбой, рота!», только тогда капитан Сархатов в сопровождении двух лейтенантов и прапорщика появился в расположении роты Фокстротина.

– Гостей принимаете?

– Добрым людям всегда рады! – ответил ротный.

– А закусить найдете?

– Ну... Ужин старшина всегда организует... А «закусить»... Так это не вопрос! Закусон-то мы организуем, а вот чем его запивать?..

– Обижаешь, дорогой! У нас на Родине ходить с пустыми руками в гости неприлично!

Капитан белозубо улыбнулся и обернулся к такому же смуглому прапорщику, который уже держал в вытянутых руках четыре алюминиевые фляжки:

– Этот «старый» прапорщик знает свое старшинское дело...

– Ну, раз так... – улыбнулся Валерий. – Андрюха! Старшина!

– Я! – отозвался Андрей и подошел к офицерам.

– Пожевать на десять человек организуешь по-быстрому?

– Сделаем!..

– Давай, старшина, гостей будем встречать...

Андрей «рванул» к их походной кухне и...

Через десять минут офицеры и старшины уже сидели за накрытым столом...

– Слушай, десантура! – Сархатов посмотрел на Андрея. – А тебе сколько еще служить осталось?

– Не знаю, товарищ капитан, – ответил Андрей.

И этот ответ ввел в натуральный ступор всех их сегодняшних гостей.

– А так бывает?..

– В нашей армии всяко бывает... – улыбнулся загадочно Фокстротин.

Только «гости» восприняли это по-своему:

– Ага! Попартизанить решили! Проверить нашу квалификацию! – улыбнулся капитан. – Ну ладно...

Он внимательно посмотрел на Андрея и начал говорить:

– Тебе уже и не двадцать, сержант, – ты года на два-три постарше будешь... Значит... Что?.. Учился в каком-то вузе с военной кафедрой. Призвался после «двадцати»... Институт не закончил, иначе был бы лейтенантом-«полторагодичником»... Сержант, старшина роты... Года полтора, значит, уже за плечами, а то и «дембель» на носу... Иди ко мне в отряд, Андрюха, не пожалеешь! А диплом ты свой получишь – нам такие «кадры» нужны!

Андрей только посмотрел на Фокстротина, который улыбнулся «шире собственного рта»:

– Ты, капитан, конечно, разведка! Но... Не угадал ты ни хрена! – Он поднял свой стакан со спиртом. – Давай-ка выпьем лучше. За наши крепкие и проверенные тылы!

Отдышавшись от принятого вовнутрь «шила», Сархатов устался на ротного:

– Такого быть не может, старлей! Я же не первый день в армии!

– Может!.. Андрюха служит уже пятый год...

– Не понял! Он же носит погоны «срочника»!

– Бывает... Случается... – Валерий посмотрел на молчавшего Андрея. – Если бы не его максимализм... Он бы уже пять месяцев лейтенантские погоны носил... А так... Пока у меня старшиной... У меня же, капитан, в полку самая «усиленная» рота! Потому сегодня ты спиртягу тянешь с нами, а не с кем другим...

– Вот даже как?! – Удивление разведчика было совершенно искренним, как и его спутников. – Так ему сам бог велел к нам идти!

Сархатов хлопнул Андрея по плечу:

– Уходи на «дембель» и иди к нам, старшина. Погоны ты свои получишь – гарантирую! Чего не умеешь – научишься... Ну?!! Ты как?

– Мне еще дослужить надо... – дипломатично уклонился от ответа Андрей. – Вот как на дембель уйду, тогда и поговорим... Может быть...

То, о чем говорил этот капитан, было заманчиво... Ах как!!!

Для человека, который не пытался строить свою генеральскую карьеру, а именно для него, «для воина», которому важны не звания и регалии, а именно служба!.. Причастность к чему-то такому, чего никто из обычных обывателей даже и не мечтает испытать... Причастность к самым сокровенным, а не показным или видимым любому гражданскому тайнам армейской службы...

Служить во вновь созданном «отряде специального назначения ГРУ»...

Для тех, кто избирал себе профессией армию, – это было равнозначно примерно тому, как если бы молодой, «свежеиспеченный» агроном сразу же попал на работу в Министерство сельского хозяйства, или такой же, как и «агроном», двадцатилетний «экономист», получивший свое распределение, – в Министерство экономики... Понятно, надеюсь...

– Ну-ну... В общем... У нас все знают, что капитан Сархатов свое слово всегда держит! Я тебя с Хабибом познакомлю – он мужик что надо, одобрит мое предложение. Уверен!

– А кто такой Хабиб? – спросил Фокстротин.

– Командир наш... Майор... А дальше, мужики, уж извините – «секретка»...

– Слушай, Анвар... А вы все в вашем отряде... – И он замялся немного, пытаясь подобрать правильные слова.

– Азиаты, ты хотел сказать? – опередил его капитан.

– Ну, да... В общем...

– Все, Валера... И все мусульмане... Нас так и называют – «мусульманский батальон», или, проще, «мусбат». – И продолжил, заметив «повисший на языке» у ротного вопрос: – Так было надо... И форма наша афганская – тоже «так надо»! И не спрашивай больше ничего, старлей! Не хочу обижать тебя сказками...

– Лады, кэп... Тогда будем просто пить «шило» за встречу!..

...Дальнейшие события завернулись с такой скоростью, что ни десантникам 9-й роты Фокстротина, ни спецназовцам Сархатова уже было не до «посиделок».

Ранним утром **7 декабря** в Баграме высадился 1-й батальон полка десантников – около десятка огромных «транспортников» устроили в афганском небе самую настоящую «карусель». Самолет садился на бетонную полосу, подруливал к месту разгрузки, и, пока высаживались десантники и выгружалась техника, его уже дозаправляли. Через пятнадцать минут он уже снова был в воздухе, а его место на аэродроме занимал другой. Через полчаса уже весь батальон находился на аэродроме и начал обустраиваться на новом месте. Суэта была невероятная! Кто-то кричал, кто-то откровенно матерился, пытаясь выбить для своего подразделения какие-то привилегии...

«Вожаки» и «Кубики» десантников улетели обратно, освободив место в небе над Баграмом своим таким же собратьям, которые привезли в своих объемных чревах спецназовцев из Чирчика и Ташкента – в Афган в полном составе прибывал отряд капитана Сархатова... И небесная «карусель» повторилась... А когда улетели и эти небесные трудяги, выяснилось, что «гэрэушники» со всей своей техникой устроились не в старых казармах, а в самом торце взлетной полосы, в полукилометре от батальона десантников, в легких походных палатках УСБ...

«...А ведь хреново мужикам-то! – думал тогда Андрей. – Мороз уже почти до двадцати градусов опустился!.. В такую палатку по несколько „буржук“ ставить надо, да и то... Не прогреют ведь!.. А уголь?..»

Пообтершись неделю на этом аэродроме, Андрей уже знал, где что лежит, в каком количестве и у кого это «что-то» можно попросить, у кого потребовать, а кому и банально дать в морду, чтобы получить нужное... И он добровольно взвалил на себя обязанность обеспечивать и свой батальон, и около полутысячи спецназовцев тем, что сейчас было важнее всего, – теплом! То есть углем...

...16 декабря...

... – Ну, что тут, Андрюха?

Старлей Фокстротин, который вот уже почти две недели спал урывками, от раза к разу, проснулся в 5.00, оттого что над аэродромом опять начиналась какая-то возня.

До подъема роте оставалось спать еще час, и уставшие десантники вовсю использовали эту возможность. А вот командиру не спалось. Он вышел из помещения казармы и обнаружил, что в своей бессоннице он не одинок. Сержант Ошеха, его незаменимый старшина, тоже не спал. Андрей стоял у открытой двери и наблюдал, как в ночном небе загорались прожектора огромных транспортных самолетов.

– Не знаю, Валера... – пожал плечами Андрей. – Похоже, что сегодня опять кого-то принимаем, только вот... Вся эта канитель началась минут пять назад, а посыльного из батальона до сих пор еще нет...

Посыльный был... Именно в эту секунду он выскочил из-за угла здания и, заметив Фокстротина, подбежал к нему:

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите доложить!

– Давай быстрее! Что там?

– Майор Егоров приказал доложить, что прибывает второй батальон и оперативная группа с комполка...

– Ясно! – Теперь действительно все встало на свои места. – Свободен!

Старлей одернул бушлат и проговорил:

– Поднимай роту, старшина! Посадка первых «транспортников» на аэродром начнется, скорее всего, минут через пять... Так что давай, бегом!

– В темпе вальса! – сказал Андрей.

«...А ведь повоевать придется... Жопой чую!.. Целый батальон „гэрэушных“ спецназовцев, да и наших уже второй прилетел... И комполка с ними! Значит, прилетит, не сегодня, так завтра, и третий батальон... А тут, ко всем радостям, еще и „кагэбэшные“ спецназовцы прилетели! Целых две группы – „Зенит“ и „Гром“! А это еще почти рота! Целая рота самых засекреченных „спецов“, которые обычно и действуют-то „боевыми тройками“!.. И что тогда получается, Андрюха? Тогда говно получается, Андрюха! Переворот какой-то готовится, не иначе!.. А это уже война...»

– Поднимай роту, «младшой»! – сказал Андрей дежурному по роте. – Тревога! Построение с оружием перед казармой через пять минут!..

...20 декабря...

Обстановка накалялась с каждым днем. Андрей это чувствовал особенно, так как ему постоянно приходилось выезжать за территорию авиабазы в поисках топлива для «буржуек». За эти двадцать дней довольно доброжелательные афганцы, поставлявшие уголь на аэродром, стали какими-то озлобленными, похожими на голодных волков. Да они и смотрели на русских «шурави» точно так же, как волки, исподлобья, и цедили сквозь зубы каждое слово. Запасы угля с прибытием в Баграм 2-го батальона резко пошли на убыль, и теперь именно Андрею приходилось заниматься их пополнением. Нет, с ним, конечно же, выезжал в город и майор, полковой «зампотыл», но... Один раз этот майор попробовал выехать сам и вернулся ни с чем – местные «торговцы теплом» и по-английски-то общались не особенно

охотно, а уж по-русски!.. Вот и стал сержант Ошеха, умеющий довольно бегло говорить на языке Шекспира и «впитавший с молоком матери» опыт торговаться, а какой же настоящий одессит (?) не имеет такой опыт, годами делая покупки на Привозе, просто незаменимым человеком...

Только вот...

Температура по ночам стала все чаще опускаться за циферку «20»... Бетонные стены казарм промерзали чуть ли не насквозь, и в «бесконечно длинных» расположениях рот, там, где спали десантники-мальчишки – а последнюю неделю они это делали не раздеваясь, всего лишь сбросив бушлат, – установили еще по три печки-«буржуйки». В дополнение к тем трем, которые стояли там с самого начала. И все равно было жутко холодно! В иные ночи они не рисковали снимать даже бушлаты – при дыхании пар изо рта стоял столбом...

Теперь Андрей через день выезжал с этим майором в город, чтобы закупить очередные два грузовика угля, и уже начинал проклинать ту минуту, когда взвалил на себя этот груз. Это повторялось от раза к разу. Майор всем своим видом, прохаживаясь за спиной Андрея, словно большой барин, заложив обе руки за спину, давал понять афганцам, «кто здесь платит деньги». Мол, я настолько «большой человек», что за меня мои подчиненные даже договариваются, а я только деньги даю! А могу и не дать!..

Андрею на самом деле было противно смотреть на это ничтожество в офицерских погонах, но... Он продолжал ездить с ним в Баграм и торговаться на шумном базаре за каждую копейку, зная, что если он этого не сделает сейчас, то ровно через сутки десантные батальоны начнут замерзать...

Правда, с позавчерашнего дня стало немного полегче, все же – весь «мусульманский батальон», погрузившись на свою технику, отчалил в Кабул. За ними отвалили и «зенитовцы»...

Все эти передвижения рождали в голове нашего сержанта не просто подозрения, а уже уверенность в том, что заваривается крутая каша, и она, эта «каша», вот-вот должна закипеть:

«...Сархатов с нами почти две недели просидел в Баграме, а тут взяли да и уехали всем скопом... Батальон „афганской гвардии“!.. И „Зенит“ с собой прихватили!.. А до этого целых две недели тренировались на старых развалинах!.. Как их захватывать, тренировались!.. Что же это они захватывать-то такое будут?! Вот бы посмотреть! Хотя бы издалека!..»

Андрюхе, имеющему внутри настоящую «офицерскую косточку», и в самом деле было интересно увидеть, что и как будут делать эти, засекреченные по самые корни волос, вояки – он хотел учиться, а чем не учеба увидеть в деле настоящих профессионалов! У таких учиться сам бог велел!..

Он и повелел, в конце концов, услышав, видимо, мысли сержанта...

...Фокстротин в тот день появился в роте перед самым обедом.

В каком-то странно возбужденном состоянии, он приказал дежурному по роте срочно разыскать ротного старшину и всех взводных офицеров, а сам стал с нетерпением ждать их появления, курсируя по казарме, как голодная акула...

– Значит, так, мужики! – произнес старлей, когда они, наконец-то, собрались. – Время – 12.10... Сейчас бегом к своим взводам, и рота должна быть в расположении через десять минут! Старшина!

– Я! – отозвался Андрей.

– Бегом в хозблок! Твоя задача – обеспечить роту горячим обедом на марше и запастись продуктами на неделю!

– Мы снимаемся, Валера? – задал вопрос лейтенант Осокин.

– В 13.00 рота должна выйти на марш... С нами в колонне пойдут спецназовцы «Грома»...

– Куда идем-то, ротный? – подал голос еще один лейтенант.

Фокстротин молчал минуты три, а потом выдал из себя:

– На Кабул идем, мужики... Место дислокации – непосредственная близость к президентскому дворцу Тадж-Бек... Его охрану уже «усилили» нашим «мусульманским батальоном», а теперь в эту охрану включили и нашу роту... Так что...

– Ну вот, кажется, все и начинается... – «подумал» вслух лейтенант Осокин.

– Может быть, Дима... Может быть... Все! Выполняйте! В 13.00 рота должна выйти на марш!..

Часть вторая = «...В горах Афгани...»

*...Ах, какого дружка потерял я в бою,
И не сорок два года назад, а вчера,
Среди гор и песков, где сжигает жара
все вокруг,
Опаляя недетскую память мою.
Слышишь, друг,
Мой дружок, мы взошли
на нежнижную ту высоту,
Под которой ты лег...*

Октябрь 1988 г. Подмосковье. Отряд

...Два Андрея, молоденький лейтенантик Филин и уже умудренный военным опытом тридцатилетний сержант-сверхсрочник Слон, сидели на деревянной скамеечке под раскидистой ивой у входа в расположение разведдиверсионной группы. Филин уже успел «заматереть на службе». И не просто заматереть! Три недели назад он сумел-таки получить свой краповый берет и теперь был почти на равных со всеми своими Псами Войны...

А неделю назад лейтенант получил от командира отряда свое первое задание – Афган¹⁸...

И с кем ему было поговорить и посоветоваться, как не с самым опытным в группе, знающим эту страну не хуже собственной ширинки Андреем Ошехой, который был к тому же еще и его «замком»?

Все началось с расспросов о погоде, о местных условиях, а закончилось тем, что...

– Слушай, Слон! – Глаза Филина горели огнем неподдельного интереса. – Так ты что, получается? Участвовал в штурме дворца Хафизулы Амина?

– Получается... Упарились мы тогда... – грустно улыбнулся Слон.

– Слушай, тетка! Я че-то не пойму... Ведь известно же, что ввод наших был 25 декабря...

– Это, командир, – официально! А не официально... – Слон улыбнулся. – Было совсем по-другому!.. На главную афганскую авиабазу Баграм был переброшен первый батальон нашего отдельного «пдп» по официальному соглашению Москвы и Кабула якобы для реконструкции аэродрома еще в начале декабря...

Слон закурил, глубоко затянулся, и по его глазам стало понятно, что он «вернулся» на девять лет назад».

– Батальон тщательно готовили к этой акции. Ох, как тщательно!.. Это я только потом узнал, намного позже... Незаметно и скромненько нагрянули представители особого отдела, пересмотрели каждого солдата, несколько человек порекомендовали отправить служить в другие части. Затем в штат батальона ввели автомобилистов, зенитчиков, двух хирургов и начфина... Батальон прибыл в Баграм под видом технических специалистов и военных

---

¹⁸ События, описанные в книге «Сделать невозможное».

строителей. Чтобы не раскрывать структуру батальона, все офицеры надели сержантские погоны, представляешь?! Разница между ними и настоящими сержантами состояла в том, что у офицеров лычки на погонах были красного цвета, как у «сверчков», как у меня сейчас, а собственно у сержантов – желтые. Плечи командира батальона подполковника Лохмакина украсили погоны с широкой старшинской полосой посередине!.. Ты такого цирка, Андрюха, не видел никогда, да и не увидишь, наверное, – сейчас уже давно все изменилось... На все вопросы афганцев, откуда прилетели, приказано было отвечать однозначно – из Советского Союза, чтобы никаких привязок к Туркестанскому военному округу и ВДВ.

– Да... На такое было бы интересно посмотреть... – улыбнулся тогда Филин. – Представить себе нашего Батю, к примеру, да в старшинских погонах! Они, афганцы эти, что, совсем тупые?

– Просто им по хрену, что там у нас и как было, командир... Это они позже начали в наших званиях разбираться, когда за них начали неплохую деньгу отваливать...

– Ну, а потом что было?

– Потом? Потом было весело, Филин... – Только улыбка Слона почему-то говорила об обратном. – Только утром следующего дня рядовые афганцы увидели, что вокруг аэродрома роют окопы и землянки русские солдаты... Первые дни для батальона пролетели в благоустройстве лагеря. На счастье, комбат оказался мужиком с хозяйской жилкой и первым научился месить глину, обжигать кирпичи, из ничего придумывать всевозможные приспособления для быта. Постепенно начало спадать напряжение у солдат: они уже не хватались за оружие при каждом выстреле, звучавшем в горах или «зеленке»...

– А уже постреливали?

– Еще как... А еще знаешь что? – Теперь «замок» улыбнулся искренне. – Рядовые солдаты Баграм мгновенно обозвали «Малой землей» – по аналогии с только что вышедшей книгой Леньки Брежнева – и первыми почувствовали и поняли, что быть им в Афганистане долго, – все до единого постриглись наголо!.. Зато наконец-то почувствовали уверенность наши летчики, развозившие по стране грузы и каждый раз при возвращении на аэродром не ведавшие, в чьих он руках. Вздохнули облегченно и семьи советников – теперь им было куда, к кому и под чью защиту бежать, если что...

– Ну, а что сам ввод, тетка? – Филину было интересно абсолютно все.

– Ввод... Ввод такой «толпы» – это всегда бардак, сам знаешь!.. – Слон прикурил от своего же окурка следующую сигарету. – То, что творилось по дорогам от Термеза и Кушки, я знаю только по слухам, а вот то, что происходило в небе над Кабулом, видел собственными глазами... И знаешь, командир... Честно тебе скажу... Не понимал я тогда, кто нами командует – дети или полные дебилы... Но то, что эти «большие мужи», в генеральских погонах, ни хрена в этом деле не волокли, так это понимали даже мои «салабоны», которые в армии были всего-то по паре месяцев...

– Расскажи, сержант! – попросил Филин. – Мне знать надо! Это не просто интерес – это еще и для нашего здоровья может быть полезно!

– Полезно, говоришь? – улыбнулся «замок». – Ну, ладно... Высадка 103-й дивизии ВДВ на Кабульский аэродром началась что-то около шести часов вечера 25 декабря... К полному «счастью» летчиков, повалил снег. Не видно было почти ни хрена метров за тридцать! Посадка самолетов шла практически вслепую!.. Тут же возникли проблемы с разгрузкой. Чтобы как можно скорее освободить аэродром для подлетающих следом групп самолетов, «на рысях» подготовили несколько тяжелых спецавтомобилей. С их помощью оттаскивали с бетонки БМП и другую технику. В разгрузке участвовали все, даже экипажи самолетов, – трудились как негры на плантациях, потому что времени совсем не было – на все, про все экипажу «Антея» или, к примеру, «Ильюшина-76» отводилось минут пятнадцать всего-то...

– Твою мать!

– Вот-вот!.. Мы возле Тадж-Бека тогда сидели, но всю эту «карусель» видели... Знаешь, такое впечатление было, что «транспортники» тебе прямо на голову садятся! А рев!!! – Слон посмотрел мимо Филина «в никуда»... – Первая группа, говорили, состояла из семи самолетов. Шесть приземлились, а седьмой потерялся... Кто-то утверждал, что видел над горами сильную вспышку и слышал гром. А потом выяснилось, этот «Ил-76» действительно потерпел крушение. На его борту, кроме экипажа, находилось 37 десантников – офицер, трое прапорщиков, один сержант и 32 рядовых, машина с боеприпасами, топливозаправщик с бензином и полевая кухня – все из 350-го полка Витебской дивизии. Да... Выяснилось, что на высоте свыше четырех тысяч метров машина зацепилась за вершину горы и взорвалась... Снегопад, мать его, был такой, что вообще ни хрена видно не было... Эти братишки да еще весь экипаж – они были самыми первыми потерями за Речкой...

– Да, тезка, обидная смерть... Они же даже до войны не долетели...

– Смерть, командир, не бывает «обидной» или «глупой». – Слон посмотрел тогда лейтенанту прямо в глаза. – Смерть – она и есть смерть... А для солдата она может быть только бессмысленной...

Ах! Какая же мудрость и сила были в этой простой фразе простого сержанта, который отдал всю свою юность войне...

– А про сам штурм дворца Амина расскажешь?

– Если тебе так надо... Хотя... Уже столько лет прошло...

– Надо, «замок»... – Глаза молодого лейтенанта горели огнем азарта. – Надо! Такие операции надо вообще заносить в анналы истории, чтобы было на чем молодежь учить!

– А ты-то сам? Тебе-то зачем это сейчас?

– Так я для себя и прошу! Ты же знаешь, куда идем! Мне понять надо!..

– Тогда тебе, ком, еще много чего понимать придется...

– Научусь по ходу дела!.. А это хочу знать сейчас!

– Ладно! – улыбнулся Слон. – Так с чего начать-то? Я ж ведь тоже всего не знаю – не положено мне было ни по званию, ни по должности...

– А ты расскажи, что знаешь!

– Ладно, командир... Ведь не отстанешь же?

– Даже не надейся!

Слон посмотрел на лейтенанта каким-то странным взглядом:

– Шах таким же был... Неугомонным... Все знать хотел, все мелочи... А теперь пенсионер... В свои-то годы!.. Эх вы, офицеры!.. Куда ж вы лезете-то, мальчишки...

– Учимся... Ну?! Расскажешь про штурм?

– Ладно... Слушай. – И Слон закурил какую уже сигарету. – «Мусбат» и наша рота тогда уже официально входили в состав охраны Тадж-Бека... А всей операцией командовал один генерал из ГРУ... Вот он и отдал приказ разработать сам план офицерам, которые сами же и будут его выполнять... Мудро поступил, если честно! Теперь уже пенять было не на кого, кроме себя самих, если бы было что не так...

* * *

23 декабря 1979 г. Кабул. Ночь. База дислокации спецназовцев

...«Мусульманский батальон» размещался в шестистах метрах от дворца Тадж-Бек, в недостроенной двухэтажной казарме танкового батальона афганской бригады охраны. Она была с бетонным полом и окнами без стекол. Некоторые подразделения разместились в глинобитных строениях и землянках. Спецназовцы вместо стекол натянули плащ-палатки, поставили печки-«буржуйки», койки в два яруса. Афганцы выдали им одеяла из верблюжьей шерсти. Вместе с ними здесь «квартировали» и две группы «Зенита». Боевую технику разместили в трех парках, огорожив их колючей проволокой. В палатках УСБ разместили склады, оборудовали столовые. А когда 20 декабря к ним присоединились 9-я рота десантников Фокстротина и группа «Гром», спецназовцам пришлось еще немного потесниться. Рядом с казармой развернули еще одну большую палатку, куда переместили медпункт. В общем, устроились кое-как...

Вот тогда-то и началась настоящая работа...

Капитан Сархатов собрал всех офицеров, прапорщиков и старшин, и... Началась «тяжелая ночь»...

– Прошу внимания, товарищи офицеры!.. Получен приказ... – Он походил немного взад-вперед. – Разработать план захвата президентского дворца...

– Фи-фи-фи-у-у!!! – присвистнул кто-то.

– Да, мужики!.. Соотношение сил далеко не в нашу пользу... Тем более что вся личная гвардия Амина – это в основном его родственники, которые, ко всему прочему, обучались военному делу у нас, в Союзе, в наших военных училищах... «Родственнички» охраняют внутренние помещения Тадж-Бека... Эти будут сражаться до последнего, а их рота – около 160 человек...

– Эту задачу будут решать непосредственно «Зенит» и «Гром», капитан! Ваша задача – обеспечить попадание наших групп непосредственно во дворец! – подал голос суровый военный, о котором присутствующим офицерам было известно, что именно он будет руководить всей операцией, – полковник Бояринский, один из командиров «Зенита». – Вот давайте и будем думать, как им туда попасть, товарищи офицеры!..

...Решение спецназовцы принимали всю ночь. Считали долго и скрупулезно. Понимали, что это и есть та реальная задача, ради которой они здесь. И пришли к выводу, что если из «мусульманского батальона» заберут две роты полностью, о чем предупреждал генерал, командовавший здесь всем, то захватить дворец они не смогут даже с учетом усиления батальона «Шилками» и фактора внезапности. Соотношение сил и средств на всех направлениях складывалось примерно 1 к 15 в пользу афганцев... Надо было задействовать все силы батальона и все средства усиления, хотя их тоже было явно недостаточно, да еще и «попотеть» от души, чтобы из всего этого что-то получилось, – в батальоне насчитывалось всего-то 520 человек, плюс приданная рота десантников Фокстротина да две группы «гэбэшного» спецназа «Гром» и «Зенит». У афганцев же только на охране дворца, по разным оценкам, было задействовано более двух с половиной тысяч человек. А рядом еще располагались зенитно-артиллерийский полк и строительный полк...

Главная ставка делалась на внезапность и стремительность действий...

Мужики с озабоченными, суровыми лицами мучились всю ночь. И хотя основной целью этой операции было взятие президентского дворца и ликвидация самого Амина, но для них самих была и еще одна, не менее важная задача – сохранить своих бойцов!..

Они, люди, посвятившие свои жизни офицерской профессии, знали, на что шли, с самого начала, еще тогда, когда поступали на учебу в военные училища! Но мальчишки,

призавшиеся в армию «отдавать свой долг Родине»... Какое им было дело до всего этого говна, им, собиравшимся стать врачами, учителями, трактористами или, скажем, театральными артистами? Как сказал бы широко известный в узких военных кругах старший прапорщик Игорек Барзов, или просто Медведь: «Им все эти „политические войны“ вдали от Родины были глубоко по тулумбасу!»...

Вот и морщили мозг офицеры...

Судили-рядили всю ночь...

И только тогда, когда солнце начало подниматься из-за гор, а в помещении от сигаретного дыма уже першило в горле и разъедало глаза даже у самых отъявленных курильщиков, план операции родился все же на свет.

Им предусматривалось следующее...

В назначенное время «мусульманский батальон» тремя ротами должен был занять участки обороны и не допустить выдвижения к дворцу Тадж-Бек афганских батальонов, трех пехотных и одного танкового. Против 3-го пехотного батальона, расположенного южнее дворца, должна была действовать одна рота «мусбата», с севера прикрывала еще одна рота, здесь располагались танковый и 1-й пехотный батальоны афганцев, а с востока – 9-я рота отдельного парашютно-десантного полка старшего лейтенанта Валерия Фокстротина блокировала 2-й пехотный батальон, штаб бригады охраны и казармы роты охраны...

Действия рот поддерживали огнем две зенитные установки «Шилка». Для блокирования и разоружения зенитного и строительного полков выделили два взвода спецназовцев.

Для непосредственного штурма дворца от «мусульманского батальона» были выделены 3-я рота и один взвод 1-й роты. Они должны были обеспечить действия специальных групп КГБ СССР «Гром» и «Зенит», в составе которых были только офицеры. И их тоже должны были поддерживать две «Шилки».

Одной из самых важных задач был захват трех закопанных южнее дворца танков «Т-54», которые держали под прицелом все подходы к Тадж-Беку. Для этого выделили группу в количестве пятнадцати человек, в их числе были и специалисты-танкисты. Эту группу «камикадзе» возглавлял сам капитан Сархатов. В нее включили для усиления и «на всякий случай» еще четырех снайперов из спецподразделений госбезопасности... Все понимали, что от действий именно этой группы зависел успех всей операции.

Они начинали первыми. Руководители операции и командование батальона хорошо понимали, что задача может быть выполнена только при условии применения внезапности и военной хитрости. Иначе... Иначе живыми не уйти никому...

– Анвар... Может, стоит все же усилить твою группу? – проговорил полковник Бояринский. – Вас очень мало, капитан! А взять эти танки крайне важно! Иначе они раздолбают нас своими пушками и пулеметами еще на подступах к дворцу. «Т-54» – это тебе не игрушка, сам знаешь!

– Справимся, товарищ полковник... А рисковать людьми я не буду... Если суждено нам там остаться, то, по крайней мере, нас будет не много... Со мной идут только офицеры и добровольцы... Все будет хорошо! Справимся!..

* * *

...Октябрь 1988 г. ...

... – А как все начиналось-то, Андрюха? Самое-самое начало!

Филину было до ужаса, до исступления интересно знать, ему хотелось понять и почувствовать то, что чувствовал молодой парень, который впервые столкнулся с войной.

– Начиналось?.. Начиналось жестко, командир... На пулеметы лезли... Матросовы, бя...

– А так бывает?

– Всяко бывает, командир... Мы ведь тогда на самом деле первые войну начали... – И в рот «прыгнула» очередная сигарета. – А они что?.. Они-то как раз защищались... Как умели... А умели неплохо – мы их сами на свою голову этому и научили...

* * *

27 декабря 1979 г. Афганистан. Тадж-Бек. «Шторм-333»...

...Еще на границе и дальше границы
Стоят в ожидании наши полки.
А там, на подходе к афганской столице,
Девятая рота примкнула штыки.

Девятая рота сдала партбилеты,
Из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
То не было роты, приснилась она...

Войну мы порой называем «работа»,
А все же она называлась войной.
Идет по Кабулу девятая рота,
И нет никого у нее за спиной...

...В 19.10 группа разведчиков-диверсантов на машине приблизилась к люку «колодца» Центрального распределительного узла подземных коммуникаций связи, в центре Кабула, недалеко от Центрального телеграфа...

Машина проехала над ним и «заглохла»...

Пока «незадачливый водила», подняв капот «ЗИЛа-131», пытался разобраться в причинах поломки, из кузова крытой машины тихонько вывалились двое, приподняли крышку люка, что-то опустили вниз и заботливо прикрыли ее...

Мотор машины взревел, завелся-таки, водитель взмахнул рукой подошедшему афганцу-часовому, мол, все в порядке, и машина скрылась за поворотом...

На все, как и предполагалось, ушло 35—40 секунд. А через пять минут... Прогремел взрыв – Тадж-Бек стал «глух и нем»...

Десантники только слышали этот мощный взрыв в центре Кабула...

– Все, старшина! – проговорил лейтенант Осокин, наблюдавший в бинокль за всеми манипуляциями «гэрэушных» спецназовцев. – Вот теперь все говно и начнется... Что-то они там рванули. Теперь обратно уже не отыграть...

Все началось через двадцать минут, когда в небо взлетели красные ракеты... Вот именно тогда-то и началась операция «Шторм-333»...

Первыми по дворцу открыли огонь две «Шилки». Автоматические гранатометы «АГС-17» «Пламя» стали вести огонь по расположению танкового батальона, не давая экипажам подойти к танкам. По дороге к дворцу двинулась рота боевых машин пехоты. На десяти БМП в качестве десанта – две «комитетские» спецгруппы... Тадж-Бек находился на окраине Кабула, на высоком холме, густо поросшем деревьями и колючим кустарником. Эдакая природная изгородь. И взобраться на этот «президентский холм» можно было только по единственной дороге, извивавшейся по нему серпантином...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.